

НОВЫЕ
ГЕРОИ

НАШ ЧЕЛОВЕК
В ПАРАЛЛЕЛЬНОМ МИРЕ

БОРИС ДАВЫДОВ

МОСКОВИТ-2

Новые герои

Борис Давыдов

Московит-2

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.9

Давыдов Б. А.

Московит-2 / Б. А. Давыдов — «Эксмо», 2016 — (Новые герои)

ISBN 978-5-699-93165-1

Бывший офицер спецназа Андрей Русаков, оказавшийся волею судьбы в XVII веке, при дворе князя Иеремии Вишневецкого, и назначенный его первым советником, взялся за осуществление задуманного плана. Оторвавшись от преследования казаков гетмана Хмельницкого, Андрей начал, наконец, производство новых для этой эпохи видов боевой техники и приступил к обучению личного состава. Тем временем разгорается пламя войны, начатой Хмельницким. Польский сейм посылает на подавление восстания большое войско, в Москве напряженно думают, как лучше поступить с Хмельницким – поддержать или отказать в помощи, чтобы не портить отношений с Речью Посполитой. У Андрея полно своих забот, а тут еще любимая женщина преподнесла неожиданный сюрприз...

УДК 821.161.1-312.9

ISBN 978-5-699-93165-1

© Давыдов Б. А., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Пролог	6
Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	30
Глава 10	33
Глава 11	36
Глава 12	39
Глава 13	43
Часть II	45
Глава 14	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Борис Давыдов

Московит-2

© Давыдов Б., 2016

© ООО «Издательство «Э», 2016

Пролог

Мужчина старался говорить с безупречной вежливостью, как и подобало благородному шляхтичу. Но казалось, что каждое слово застревает у него в горле:

– Прошу мою крулевну войти в этот скромный дом, стать в нем полновластной хозяйкой! Все, что имею, брошу к ее ногам!

Женщина с застывшим, напряженным лицом, даже не повернув к нему головы, кивнула:

– Теперь я вижу, что была несправедлива к пану...

– Як бога кохам, слова моей богини, будто бальзам на рану! – торопливо воскликнул Данило Чаплинский, просяив. – Хвала Езусу, наши ссоры, недоразумения – в прошлом! Теперь ничто не помешает нашему счастью...

– Пан не дослушал меня! – с ледяным презрением перебила Елена. – Я хотела сказать: хоть в чем-то пан не соврал! Теперь я вижу, что он все-таки способен хоть изредка говорить правду! Дом действительно скромн. Даже очень скромн! По сравнению с Суботовым...

Гордо вскинув голову, она жестом поманила за собой камеристку и пошла к парадному входу. Прислуга, выстроившаяся по обе стороны аллеи, торопливо и низко кланялась, испуганно косясь на новую хозяйку.

Чаплинскому, до боли стиснувшему кулаки, вдруг страстно, безумно захотелось выхватить у кучера кнут, размахнуться и ожечь ее что есть силы поперек спины. Пусть это позорно и недостойно шляхтича, но лишь бы согнать с этих змеиных губ презрительную усмешку, услышать пронзительный бабий визг... С великим трудом подстароста чигиринский одолел дьявольское искушение. От лютой обиды, жгучего стыда и ненависти перехватило дыхание, кровь прилила к голове.

«Дьяволица... Будь ты проклята! Зачем, зачем только попалась мне на глаза?!»

Часть I

Глава 1

Дьяк Астафьев, опасливо косясь на рассерженного царя, договорил:

– Уж не прогневайся, государь... Все перерыли, со всем тщанием! Стены и те простукали, потайные ходы выискивая... Ушел лиходей! И след простыл.

Алексей Михайлович как-то странно дернул головой, сердито, по-кошачьи, фыркнув.

– А что ж люди, которые снаружи стерегли? Спали, что ли?

– Боже упаси! – торопливо закрестился перепуганный дьяк. – Глаз с Англицкого подворья не спустили...

– Ну, так где же он? Где этот Андрюшка?! – голос царя, налившись силой, загудел, задрезжал, лицо покраснело от ярости. – Упустили, щучьи дети?!

Дьяк, всхлипнув, повалился на колени:

– Твой топор – моя голова, государь... Коли хочешь – вели казнить. Только Христом Богом клянусь, сам не ведаю, каким чудом тот лиходей скрылся! Уж не нечистая ли сила ему помогла?..

– Чур меня, чур! – едва не подскочил на месте юный царь, осенив себя крестным знаменем. – Типун тебе на язык!

– Прости, государь... То по глупости, по испугу...

Алексей Михайлович перевел дыхание, сляясь прогнать подступившую ярость. Негоже государю в гнев впадать, это смертный грех и делу не подмога, а лишь помеха... Вон как дьяк перепугался: лицо белое, губы трясутся, пот течет ручьем... С такого человека много ли толку?

– Встань! – махнул рукой царь. – Нечего в ногах валяться, пыль собирать... И не трясись, как заяц! Что упустил лиходея – не похвалю. Но и казнить не буду. Оплошал – сам и исправишь. Воля моя такова: искать Андрюшку денно и ночью! Найти хоть на краю земли! Живым взять и сюда, в Москву! Чует сердце, не просто так он начал народ баламутить...

– Будет сделано, государь! – выдохнул взмокший дьяк. – Живота не пожалю, все силы отдам, до последней капли... Изловим подлеца! Все до доньшка выложит: по чьей воле али уговору подбивал на лихое дело люд православный! Какому заморскому государю служил!

– Вот-вот! – кивнул Алексей Михайлович. – Вижу, понимаешь ты меня. Наверняка следы за границу ведут... А пока Андрюшка не пойман, возмись-ка за тех воров, что на него показали, да покрепче! Прежде всего за упертых, кои только под пыткой и заговорили... И тех, что сразу языки развязали, – тоже на дыбу! Нечего их жалеть, смутьянов! За то, что по их милости на Москве творилось, шкуру заживо драть надобно... Учини допрос строгий да усердно сверяй с прежними сказками¹: не начнут ли переменные речи² молвить?

– Учиню, государь! – сверкнул глазами дьяк. – Проклянут вору тот день и час, когда решились против помазанника Божьего выступить!

– Только не переусердствуй! – наставительно погрозил пальцем царь. – С покойников-то какой спрос...

– Боже упаси! Живы останутся! Пока ты, государь, казнить их не повелишь. Или, может, пожелаешь милость свою им оказать...

Алексей Михайлович вновь как-то странно фыркнул. «Будто кот чихает!» – подумалось вдруг дьяку, и он тотчас же опасливо поежился. Хоть никто мыслей его подслушать не мог.

¹ Показаниями (*уст.*).

² Менять показания (*уст.*).

– Кому-то, может, и окажу! – усмехнулся юный царь. – Хоть все до единого смерти повинны, а все ж вины их разные... А вот Андрюшка пусть и не мечтает! Такой лютой казни злодея предадим – сам царь Иоанн лопнул бы от зависти! Прости, Господи... – усердно и торопливо закрестился он, кладя поясные поклоны перед иконостасом.

Дьяк поспешил последовать его примеру.

– Что тебе потребно для розыска? – обернулся к нему царь, выпрямившись. – Людей, денег? Бери, требуй моим именем! Грамоту тебе на то дам, действуй! Ни перед кем не отчитывайся, ничьего позволения не спрашивай! Дело-то больно важное, государственное... Ты, дьяче, теперь важнее иного думного боярина, пусть хоть от самого Рюрика род свой ведет! Только передо мною одним будешь ответ держать, ясно? Но гляди у меня, вольности лишней не бери, страх Божий не забывай. А не то... Я тих, добр, но могу и по-настоящему прогневаться!

– Государь, да чтоб мне...

– Помолчи! – оборвал дьяка Алексей Михайлович. – Верю тебе! Верю. Однако же предупредить не лишне. Вон Морозову тоже верил, а что вышло в итоге?! Ступай, дьяче! Принимайся за дело.

Глава 2

Застолье шло уже не первый час, съедено-выпито было столько, что иному стороннему наблюдателю сделалось бы дурно при одной мысли: «Как в них помещается?!» Но люди, собравшиеся за гетманским столом, хоть и дышали с натугой, утирая взмокшие лбы, и распустили пояса, явно не собирались расходиться.

Сыны сурового времени, они знали цену маленьким житейским радостям и отдавались им всей душой, не признавая меры. Коль стол ломится от яств, а радушный хозяин без устали потчует, упрашивая отведать то одного, то другого блюда, как тут устоять?! Да ежели еще усердные джурь без устали наполняют кубки, чем только велишь... А выбор хоть самому королю впору: добрая обжигающая горилка, хмельной мед, взятые в добычу под Корсунем вина италийские, угорские, французские (ни в чем не оказывали себе паны, точно не на битву собирались, а на приятную прогулку!). Словом, гости отдали обильную дань гетманским запасам. И сам хозяин не ударил в грязь лицом, показав, что не только на поле брани может вести за собой.

– Браты-товарищи! – громко произнес Хмельницкий, опершись левой ладонью на столешницу, чтобы подняться. Сидевший рядом генеральный писарь Выговский, поспешно отставив кубок, подхватил гетмана под локоть, осторожно подтолкнул кверху, помогая. Богдан, поблагодарив кивком, выпрямился, мысленно отметив: пора бы уже заканчивать, ноги будто чужие, и в голове гудит. – Вот что сказать вам хочу... Великое дело мы затеяли! Поначалу и не верилось, что фортуна к нам благоволит будет. Всего два месяца назад сколько нас было? Шесть реестровых полков, и только! Курам на смех!..

– Почто обижаешь, батьку? – тут же вскинулся здоровенный казак, лицо которого пересекал наискось белесый сабельный шрам. Оно – с резкими чертами, суровое, будто вытесанное из каменной глыбы, сейчас было растерянным, как у ребенка. – Неужто мои брацлавцы не казаки?! Иль в доблести другому полку уступят?!

– Да не о том речь, Данило! – махнул рукой Хмельницкий. – Я хочу сказать, что сила наша возросла многократно! И за столь дивно малый срок! Было шесть полков – стало без малого двадцать. И это только начало! Завтра тридцать будет, послезавтра все сорок! Великая сила! Кто сможет ее одолеть?

– Никто! – заревели дружным хором десятки луженых глоток. Да так, что стража у входа в первый миг встрепенулась, гадая, не бежать ли на шум...

Казак со шрамом, всхлипнув, воздел над головой наполненный кубок:

– Батьку Богдане, отец наш! Да я за тобой – хоть в пекло! И весь мой Брацлавский полк пойдет, до последнего казака! Слышите, панове полковники?! Это говорю я, Данило Нечай!

– И я пойду со своими чигиринцами! – взревел полковник Федор Якубовский, сверкая глазами, будто хищный зверь.

– И я с черкасцами! – подхватил Иван Вороненко.

– А мои переяславцы самыми первыми пойдут! – потряс кулаком здоровенный верзила Федор Лобода.

– А вот тебе! – ехидно оскалившись, сунул ему под нос дулю Мартын Небаба. – Разве только за моими черниговцами поспешат...

– Да я тебя!!! – кулак Лободы смачно впечатался в Мартынову скулу. Командир черниговцев, нелепо дрыгнув ногами, брякнулся спиной на пол.

Сидевший по правую руку от переяславского полковника командир Нежинского полка Прокоп Шумейко, грузный, как медведь, и примерно такой же сильный, изумленно поднял брови:

– Моего друга бить?!

И в следующий миг, опередив негодующий окрик гетмана «А ну, унялись!», коротким и точным ударом в ухо свалил Лободу.

* * *

Когда через некоторое время в гетманскую горницу осторожно заглянул дежурный казак, он застал дивную картину: паны полковники, по-прежнему сидя по обе стороны длинного стола, тяжело, хрипло дышали и яростно сверкали друг на друга глазами, точно коты в начале весны. По крайней мере, те, у кого глаза не превратились в узенькие щелки из-за быстро распухающих и темнеющих «гуль». У иных были изрядно прорежены чуприны³, у кого-то порваны ворота расшитых рубах... Сам пан гетман, возвышаясь над ними, гневный и непреклонный, был удивительно похож на строгого наставника, обращающегося к непослушным бурсакам. Недоставало только скамьи для порки и пучка розог.

– ...Христом Богом клянусь: ежели еще хоть раз позволите себе такое непотребство... – Хмельницкий, краем глаза заметив вошедшего, гневно стукнул кулаком по столу: – Что такое? Почему явился без вызова?! Я же велел: не беспокоить без серьезной причины!

– П-посол к твоей гетманской милости... – с немалым трудом вымолвил изрядно напуганный казак. – Просит допустить! Привез лист⁴ от воеводы киевского и брацлавского Адама Киселя...

– Посол?! – гетман яростно потрянул головой, приходя в себя и отгоняя обуявший его гнев. – Кто таков? Как его имя?

– Не знаю, пане гетмане... Он не назвался. Но грамоту от воеводы показывал, там все честь по чести... Послан, мол, к тебе с листом!

– А в грамоте что, имени его не было?

Казак растерянно захлопал глазами, силясь вспомнить. Гетман, досадливо поморщившись, махнул рукой.

– Ладно, чего уж там! Зараз сам назовется. А ну, братья-товарищи, сдвиньтесь-ка поплотнее, место послу освободите! Гей, джурь, живо кубок для гостя, блюдо, нож да вилку! Попотчuem ляха по-нашему, по-казацьему... Чтобы не жаловался потом пану Киселю, будто гетман Войска Запорожского его голодом морил! – обернулся к казаку: – Дайте ему умыться с дороги, примите оружие да ведите сюда. И поживее!

Федор Лобода, один глаз которого заплыл, а из уголка рта стекла тонкая струйка крови, начавшая запекаться, болезненно морщась, зажимая ладонью правое ухо, взмолился:

– Батьку!

– Что, Федоре? – с подозрительно-ласковым участием спросил Хмельницкий.

– Батьку, не срами! Чтобы в таком непотребном виде – и перед ляхом?! Позволь уйти...

– И мне позволь! – набравшись храбрости, кое-как двигая разбитыми губами, попросил Мартын Пушкарь – командир Полтавского полка, коему особенно досталось. Видимо, за то, что поначалу полез разнимать дерущихся. Известно же, что такова участь миротворцев: получать и с одной, и с другой стороны...

– И мне! – сгорая от стыда, произнес Кондрат Бурляй, начальник Гадячского полка, придерживая разорванную почти до пояса рубаху. – Срам-то какой!

– Цыть!!! – рыкнул гетман, гневно насупившись. – Поздно вы, панове полковники, про срам вспомнили! Нет уж, воля моя – оставайтесь! Покрасуетесь перед ляхом боевыми ранами, авось поумнеете...

³ То же самое, что «оселедец» – длинный клочок волос, оставленный на голове после бритья (*укр.*).

⁴ Письмо (*укр., польск.*).

Глава 3

Елена, медленно обведя глазами комнату, откинулась на высокую узкую спинку старого кресла. У нее был вид женщины, пытающейся пробудиться от ночного кошмара.

– Пани... – не выдержав, всхлипнула Дануся, ее личная камеристка, бывшая заодно и наперсницей. – Пани, як бога кохам... Не надо так, заклинаю! Точно в собственную могилу глядите...

Бывшая любовница казачьего сотника, а ныне – законная супруга беглого подстаросты чигиринского, улыбнулась. И ее улыбка была так страшна, что у верной Дануси застучали зубы.

– Ты права, милая... Вот в нее-то и гляжу! Сама выкопала, сама к краю подошла. Осталось только закрыть глаза, помолиться, воскликнуть: «Создатель, прими мою душу!» И вниз...

– Пани! – служанка в отчаянии заломила руки, упав на колени. – Не надо отчаиваться! Езус милостив, все еще можно исправить!

– Как?! – с безнадежным равнодушием человека, приговоренного к смерти, пожала плечиками Елена. – Ты же видишь, надежды нет. Сладкоголосый соловей обернулся бесстыдным вруном, ничтожеством... Вот он, его пышный маеток! – со злым, истеричным смешком пани Чаплинская обвела рукой по сторонам. – Да в Суботове хата управителя была лучше! А как разливался-то, какие богатства сулил! Помнишь?

– Помню, пани... Прямо сладкой истомой грудь сводило от его слов, сердце замирало! Такое являлось в мечтах! Будет, думала, пани Елена блистать в столице. Да так блистать, что самое пышное панство, ее увидев, покой и сон потеряет, богатыми дарами завалит с головой... Может, от щедрот пани тогда и мне чего перепадет... – Дануся вздохнула, покачала головой, словно пытаясь отогнать навязчивое видение.

– Да, сердце замирало! – с горькой усмешкой кивнула Елена. – Как же не замереть ему от таких-то обещаний? Палацы в Варшаве и Кракове, балы, пышные выезды, золоченые кареты с лучшими кровными лошадьми... Будет, мол, богиня моя с серебряных блюд кушать, из золотых кубков пить, диамантами да жемчугами осыплю с ног до головы... Мерзавец! Негодяй! – ее прекрасное лицо, искаженное от злобы, сейчас казалось на редкость отталкивающим.

Камеристка торопливо, услужливо подхватила:

– Все они такие, мужчины! Нельзя им верить, даже в малости, пользуются женской слабостью и доверчивостью... Подлецы! Обманщики! Все до одного!

– Замолчи, дура! – Елена, с поразительным проворством перегнувшись через подлокотник, вlepила Данусе пощечину. – Не смей!

Камеристка сдавленно ахнула, точно воздух попал не в то горло. На глазах застыли слезы, а личико приняло такое ошеломленно-испуганное выражение, что госпожа, уже готовая хлестнуть ее по другой щеке, смутилась и опустила руку.

– Не смей, слышишь? – уже спокойнее, но с явственно различимой угрозой повторила пани Чаплинская. – Богдан не такой! Жаль, что я поняла это слишком поздно...

* * *

К середине третьих суток, пошедших после переправы через Днепр, князь приказал остановиться на отдых до следующего утра. То ли он понял, что человеческие и конские силы не беспредельны, то ли решил, что погоня в ближайшее время точно не угрожает... А скорее всего просто подчинился необходимости: ведь путь снова преградила река. Конечно, по сравнению с Днeпром она казалась узенькой, какой-то несерьезной, но о том, чтобы переправиться с ходу, не могло быть и речи. У нас ведь по-прежнему были и артиллерия, и обоз, хоть и изрядно уменьшившийся, но все еще внушительный.

– Река Тетерев! – вытянув руку в сторону блеснувшей впереди серебристой ленты, объявил Тадеуш.

И в его голосе только глухой не расслышал бы страстную надежду: может, ясновельможный князь разрешит искупаться... А если еще сделать большой привал, хоть на пару часов... Матка Бозка, какое это было бы блаженство!

Я всецело разделял его надежду. Восемь дней форсированного марша на пределе человеческих возможностей – это вам не шутка. Даже мой внутренний голос, наплевав на дисциплину и субординацию, начал бесстыдно намекать, что только последняя сволочь так обращается с собственным организмом...

А как устали другие, особенно женщины, вообще страшно подумать. Особенно если учесть адскую непрерывную тряску: ведь в экипажах той эпохи не было рессор! Любой толчок чувствительно отдавался... э-э-э... в том самом месте, которое у дам такое восхитительно округлое и соблазнительное...

Кстати, это еще одна новинка, которую обязательно надо внедрить! Чтобы было удобно ездить и самому князю: пусть видит, что пан первый советник радеет о своем сюзерене, и особенно – его супруге. Женщины, как ни крути, существа слабые, в комфорте нуждаются...

При мысли о Гризельде сразу как-то нехорошо засосало под ложечкой. Ведь влюбилась, чертова баба, влюбилась по уши! Ее взгляды, украдкой бросаемые во время того ужина, невозможно истолковать иначе... Мать вашу, вот не было печали! Нет, никто не спорит, очень лестно, ведь и женщина красивая, в самом соку, и не кто-нибудь – княгиня! А на фига козе баян?! Это ж такой сюрприз – злейшему врагу не пожелаешь! Что теперь делать?!

«Ты что, маленький? Тебе объяснение нужно?! – искренне изумился противный голос. – Баба – она и в Африке баба...»

Я, расвирепев, отправил его по такому запутанному и дальнему маршруту, что и сам смутился: не чересчур ли?

* * *

Вид у Дануси был, словно у пса, которого обожаемый хозяин неизвестно за что вдруг вытянул арапником по спине.

– Пани... – всхлипнула камеристка. – За что? Уж я ли не была верна...

– За то, что забылась, позволила себе лишнее! – жестко отчеканила Елена. – На многое я смотрела сквозь пальцы, а все же есть вещи, которые никому прощать нельзя.

– Я же не думала-а-аа... – всхлипы перешли в горький плач.

– Ну, так впредь будешь думать! – усмехнулась пани Чаплинская. – Это для твоей же пользы: после моей смерти, если тебя в живых оставят, пойдешь в услужение к другой хозяйке. А будет ли она такой же доброй да снисходительной, как я, – неведомо... Так что заранее учись сдерживать язык!

Дануся яростно замотала головой:

– И слышать про такое не хочу! Пани Елена будет жить еще долго-долго!

– Твои бы слова да Езусу в уши! – вздохнула госпожа, махнув рукой. – Но что толку мечтать о несбыточном? Упустила свое счастье, погналась за призрачной мечтой... Хорошо говорят хлопы: близок локоть, да не укусишь! Но кто же мог знать, что так все повернется?! Что скромный сотник, на которого ополчилось все панство, станет гетманом?!

– Никто не мог знать... – с опаской прошептала Дануся.

Елена в отчаянии заломила руки. Глухой стон вырвался из высокой, упругой груди:

– Еще вчера – затравленный скиталец, оскорбленный и ограбленный, лишенный имущества, чести... А сегодня – гетман! Словно степной пожар, всюду распространяется ужас от одного грозного имени его! Паны, арендаторы, позабыв и про спесь, и про выгоду, бегут,

словно зайцы! Только и слышно: «Хмельницкий, Хмельницкий!» Кричат, что у него уже сто тысяч войска, что взял богатейшую добычу в лагере Потоцкого, не сегодня завтра вторгнется в коронные земли, дойдет до самой Варшавы... О-о-ооо, какая же я дура! Могла быть рядом с ним, могла все держать в своих руках... Ведь имела же над ним такую власть! И что теперь?! – Внезапно, без всякого перехода, она спросила: —Как думаешь, он убьет меня сразу, без мучений? Или отдаст катам?

У камеристки побледнело личико.

– Матка Бозка... – чуть слышно прошептала она трясущимися губами. – Да что такое пришло в голову пани?! Как это – убьет?! За что?! Ведь пани увезли силой, против ее воли, и венчаться заставили тоже насильно, под угрозой смерти...

Раздался безжизненный, деревянный смех.

– По-твоему, он поверит в такую чепуху? Богдан – зрелый муж, а не глупый мальчик...

– Если пани по-настоящему постарается, то он и не в такое поверит! – убежденно воскликнула Дануся.

Глава 4

Не знаю, как выглядел Днепр, когда великий князь Владимир, используя то уговоры, то угрозы, загнал туда киевлян креститься. Но, думаю, весьма похоже на свой приток Тетерев. Разве что киевляне все-таки лезли в днепровскую воду не в чем мать родила, а в нательных рубахах... Впрочем, откуда такая уверенность? До принятия христианства наши предки особой стыдливостью не страдали.

Вишневецкий, будто услышав мысленные коллективные мольбы, разрешил купание. Само собой, не всем сразу, а поочередно. Те, чья очередь была первой, буквально бросились к берегу, на ходу срывая одежду, скидывая сапоги. Вода в мгновение ока вскипела, взбитая в белую пену, заполненная голыми телами. Крепкий, ядреный запах застарелого прокисшего пота пополз по округе, заставив страдальчески морщиться женщин, которым торопливо обу-страивали купальни в почтительном отдалении от неподобающего зрелища. Как и подобало благовоспитанным дамам, они деликатно пятались в противоположную сторону, рассматривая траву, небо и облака, ожидая сигнала к собственному омовению. Во главе с ясновельможной княгиней... глаза бы ее не видели!

Я успел заметить и ее взгляд, украдкой брошенный в мою сторону, и реакцию толстой тетки с измученным потным лицом, стоявшей неподалеку от Гризельды... Черт, а ведь что-то подозревает, зараза! Устала так, что ноги подгибаются, а глазки-то зоркие, и извилины работают, работают... Тьфу ты! Лишь бы не начала трепаться направо-налево! А княгиня-то хороша: никакой выдержки! Неужели я такой обаятельный, что бабы последних остатков ума лишаются, на меня взглянув?... Кстати, кто эта тетка? По-моему, жена княжеского управителя... Блин!!! А ну как проболтается мужу? Хорошо, если у того хватит ума отмахнуться, приняв это за обычные бабские сплетни... А если настучит князю?! Вот будто других проблем мало!.. Не приведи боже дойдет до ушей Иеремии, что тогда?!..

От горестных мыслей меня отвлек вестовой:

– Проще ясновельможного пана первого советника... Его княжья мосць просит пана в свою палатку, тотчас же!

При всей своей выдержке я чуть не вздрогнул.

«Неужели уже дошло?!»

* * *

Пани Чаплинская покачала головой, усмехнувшись:

– Как бы ни старалась, не поверит... Да он и слушать меня не станет!

– Станет, як бога кохам, станет! – горячо затараторила Дануся. – Он же был в ручках пани, как воск, как игрушка... Пани Елена вертела им, как хотела! Да мужчина, который любил женщину с такой дикой, необузданной страстью, который в самые горячие мгновения рычал, точно хищный зверь... Ой!.. – камеристка, испуганно запнувшись, прижала ладони к щекам. Видимо, опасаясь новой оплеухи.

Елена, вздрогнув, залилась краской: то ли от смущения, то ли от гнева.

– Ты что, подслушивала под дверью, мерзавка?!

Дануся торопливо перекрестилась:

– Да чтоб провалиться мне на этом самом месте, чтоб гром меня разразил... И в мыслях не имела! Разве можно? Хвала Езусу, я порядочная девушка... Носу из своей комнаты не высовывала!

– Тогда откуда знаешь?!

– Так ведь уши-то мне затыкать не приказывали. А слух у меня всегда был острым! Разве ж я виновата, что все было слышно?

– Матка Бозка! – Елена, простонав, схватилась за голову. Нестерпимый жар опалил ее щеки и уши. – Стыд-то какой!

Дануся улыбнулась – смущенно, но и озорно.

– Что ж тут стыдного? Коли сам Езус не нашел другого способа род человеческий продолжать, значит, то Ему угодно! Пани не краснеть нужно, а думать: как снова власть взять над паном сотником... Точнее, уже над паном гетманом! Как сделать, чтобы снова зверем рычал, пани гетманшу обнимая...

* * *

Все тот же дежурный казак опасливо развел руками:

– Не прогневайся, пане гетмане... Уперся лях, не желает саблю отдавать! Мол, невместно это с шляхетским гонором и званию посла противно. Шляхтич без сабли – что без шаровар... Силой отнимать не осмелились, посол все-таки! Как твоя гетманская милость распорядится: отобрать или все же с нею впустить?

– Ишь ты! – покачал головой Хмельницкий. – Видать, храброго и спесивого мужа выбрал пан воевода... Ну-ка, братья-товарищи, что посоветуете? Уважить гонор или спесь сбить, по носу шелкнуть?

Федор Лобода, по-прежнему прижимая правую ладонь к уху (знатно «приложил» его Прокоп Шумейко, чего уж там!), негодуяще потряс левым кулаком:

– Никакого уважения! Ляху палец протяни – всю руку откусит!

– Хорошо сказано! – поддержал Матвей Гладкий, командир Миргородского полка – один из немногих, не понесших никакого ущерба ни в обличье, ни в одежде. Потому что не лез в свару, ограничившись негодующими окриками: «Прекратите, панове, как не стыдно!» – Мало ли что посол! Нехай ляхи у себя свои порядки держат, а здесь пусть нашу волю уважают. Отобрать саблю!

– И я так мыслю! – прорычал Данило Нечай, зло сверкая единственным видимым глазом – второй скрылся за распухшим желваком. – Кабы друг был, пусть хоть гармату⁵ сюда тащит. А врагу – дулю с маком! Ничего, перетерпит урон своему гонору! Стыд не дым, глаза не ест...

– Верно, верно! – враз подхватило сразу несколько голосов.

Гетман вскинул ладонь, прекращая начинающийся гвалт.

– Ну а ты что посоветуешь, Иване? – спросил он, обернувшись к генеральному писарю.

– Я?... – по всему было видно, что вопрос застал Выговского врасплох. – Если его гетманской милости угодно знать мнение мое... – генеральный писарь, облизнув губы, откашлялся, лихорадочно обдумывая, что лучше сказать. – Мыслю так: негоже насмехаться и куражиться над посланником, чей бы он ни был. Даже будь он послан злейшим ненавистником Войска Запорожского и всего православного люда, таким, к примеру, как князь Ярема Вишневецкий, и то лучше было бы принять его со всем уважением, как пышного гостя. – Голос Выговского, поначалу неуверенный, запинаящийся, теперь окреп, налился силой и твердостью. – А пан Адам Кисель такой же православный, как и мы все, панове! Опять же, ни казаков, ни посполство он не обижал, веру нашу не притеснял. Зачем же его посланника сразу за врага считать, даже не зная, что в привезенном листе? Коли обидим этого шляхтича – обидим и самого пана Киселя, а надо ли это нам? Ой, не надо, панове! Потому мой совет, – Выговский поклонился

⁵ Пушку (укр.).

гетману, – впустить сюда посла с саблей, как он и хочет. А на всякий случай, ради пущей безопасности⁶, посадить его поодаль от его гетманской милости.

Побагровевший Прокоп Шумейко, едва дождавись, пока генеральный писарь умолкнет, грохнул пудовым кулачищем по столешнице. Подпрыгнула, задрезжала посуда.

– Правильно бают: как волка ни корми, он все в лес глядит! Вот и явил нутро свое лясское! Не слухай его, батьку, уж он присоветует...

– Молчать! – Хмельницкий, вскинув голову, так глянул на командира нежинцев, что тот поперхнулся на полуслове.

Яростно раздувая ноздри, гетман обвел нехорошим, цепким взглядом присутствующих.

– А теперь крепко запомните, панове полковники! Ежели кто еще хоть раз попрекнет генерального писаря его прошлым... Гнев мой вы знаете! Кулакам волю давать да рубить сплеча – на то большого ума не надо! А кто из вас красно да убедительно писать умеет? Кто лист государю московскому составит, да чтобы ни в единой букве урона чести царской не нашли? Кто в дипломатии силен? Может, ты, Прокопе?! Уж не оказать ли тебе честь, генеральным писарем сделав? – Хмельницкий язвительно усмехнулся. – А то гляди, у меня это быстро...

– Батьку! – чуть не взвыл перепуганный Шумейко. – Да ты никак шутишь?! Из меня писарь, а того пуще, дипломат – как из моего жеребца крымский хан, прости господи...

– Хорошо, что сам это понимаешь... Ну, так запомни мое предупреждение! И впредь постарайся, чтобы голова раньше языка работала! Иване, – повернулся Хмельницкий к писарю, нервно кусающему губы от обиды, – ступай к послу, объяви мою волю. Скажи ему так: из уважения к его милости воеводе киевскому и брацлавскому, а также к личности храброго шляхтича, столь нелегкий и опасный путь проделавшего, гетман Войска Запорожского зовет посла в покои свои как пышного гостя, при оружии. И веди сюда с почетом.

⁶ Безопасности (укр.).

Глава 5

Дьяк Астафьев, шумно пыхтя, утер платком взмокшее лицо. От несусветной духоты кровь прилила к голове, перехватывало дыхание. Больше всего он сейчас хотел скинуть кафтан, но нельзя: приличия надо блюсти... Даже в застенке.

– Ну-ка, еще добавь! – кивнул он палачу. – Только гляди у меня, не переусердствуй... А то живо на его месте окажешься!

Заплечных дел мастер, коего звали Мартынкой Суловым, чуть заметно усмехнулся: шалишь, дьяче! Скорее тебя на дыбе подтянут, чем меня! Дьяков-то на Москве – куда ни плюнь, попадешь, а такие каты, как я, на вес золота... Промолчал, отступая и заноса кнут, лишь кивнул с притворным испугом: не извольте, мол, беспокоиться, Афанасий Петрович, все сделаем, как надо...

С шипящим свистом длинный сыромятный ремень метнулся вперед, рассекая воздух, потом раздался сочный, хлопающий звук, тотчас же заглушенный истошным воем: «Уа-а-аа!!!» Дьяк поморщился, нехорошим словом помянув упрямого вора, из-за которого уже не только исподнее, но и все прочее платье – хоть выкручивай... Пот градом катится, духотища-то какая! От раскаленных углей жаром так и несет, хоть и постарался сесть как можно поодаль, у самых дверей... Ох, тяжка ты, служба царева, тяжка!

«Ничего, потерплю... Дождусь, чтобы и Андрюшку вот так же... для начала! Поймет вор и лиходей, каково это – народ на смуту толкать против самого царя! Всю шкуру кнутом обдерем, как липку! А уж потом, после малого роздыха...» Дьяк мотнул головой, прогоняя приятное видение. Дело – поначалу.

Мартынка новым, точно выверенным движением, полоснул висящего. Такой же хриплый вой, отразившись от стен и сводчатого потолка, опять стегнул по ушам... Потом – еще раз, и еще... Астафьев, болезненно поморщившись, протянул вбок руку. Подскочивший стрелец поспешно плеснул из глиняного горшка квасу в кубок, поднес с поклоном. Дьяк жадно, в два глотка, осушил, облегченно вздохнул, утирая ладонью мокрые губы... Когда был отсчитан двенадцатый удар, подал знак палачу: хватит!

– Ну что, Егорка, память не воротилась? Начнешь говорить или... – Дьяк сделал зловещую паузу.

Висевший на вывернутых руках голый человек с хриплым, рыдающим стоном кое-как выдал:

– Боярин... Милостивец... Да я все, как есть, скажу... Повели снять, мочи нету...

– Ну, давно бы так! – усмехнулся Астафьев, пропустив мимо ушей звание, ему не принадлежавшее. (Точнее, не пропустил, конечно, ведь слаб человек, искусу подвержен, на лесть падок... Еще раз подумал: коли, с Божьей помощью, изловит злодея Андрюшку, государь наверняка его боярином сделает!) – Или мне много радости людей мучить, хотя бы и воров? Я вот думаю: не совсем ты пропащий, страх Божий еще не позабыл, к бунтарям да смутьянам не по злой воле примкнул, не по корысти, а едино лишь по глупости, по темноте своей... Иль ошибаюсь?

– Истинно так, милостивец... – с огромным трудом человек двигал распухшими, искусанными в кровь, губами. – По темноте... Вели снять Христа ради!..

– Сейчас велю. Но помни: ежели начнешь юлить да выкручиваться – темнотой уже не прикроешься! Понял??! – взревел вдруг Астафьев, срываясь с табурета, точно ткнули его чем-то острым пониже спины. Подскочил к Егорке, поднял голову, уставился немигающим, яростным взглядом прямо в глаза, обезумевшие от страданий. – Понял, спрашиваю?!

Тот сдавленно охнул, дернулся, пытаясь что-то прохрипеть... Дьяк разобрал первый слог: «По...» Но тут в глотке у висевшего заклокотало, тело выгнулось, хлынул поток рвоты. Астафьев едва успел отскочить, зажав нос...

– С-скотина вонючая... – выругался дьяк, приметив, что вор все-таки забрызгал рукав его кафтана. Пусть самую малость, а все же как досадно! Сморщившись, повелительным жестом подозвал стрельца. Тот поспешно макнул тряпицу в ведро с водой, выжал, протер рукав. Астафьев придиричливо оглядел себя – не попало ли еще куда? – снова сел на табурет, велел палачу:

– Снимай подлеца! Руки вправь, окати водой... Сейчас заговорит! А не то, Христос свидетель, я ему такую темноту покажу!.. Собственной блевотиной захлебнется, собака!

* * *

С каждым шагом, неумолимо приближавшим меня к палатке князя, настроение неуклонно ухудшалось, пока не достигло отметки «совсем хреново». Вот тут я неподдельно рассердился прежде всего на себя. А заодно на пана Беджиховского, именно в эту минуту украдкой шмыгнувшего в какой-то возок... Точнее, это пану казалось, что «украдкой», а у меня-то с боковым зрением пока все в порядке, слава богу.

Поведение Беджиховского мне весьма не понравилось. Выражение его лица, когда он смотрел в мою сторону, – еще меньше... Конечно, в том, что подчиненные не любят своих начальников, нет ничего странного. Смысл анекдота про письмо солдата-срочника родителям: «Милые мама и папа! У меня все в порядке. Прошу вас: купите поросеночка, хорошо кормите, заботьтесь. Пусть растет большим и здоровым! Назовите его «Сержант Петренко». Приду со службы – своими руками зарезу!!!» – я давно и хорошо понял много лет назад, на собственном опыте. Но все-таки... ой, не к добру! Особенно если учесть, что шмыгнул-то он в возок пана советника Доминика Груховского... Тем более что в открывшемся проеме возка, когда распахнулась дверца, я все тем же боковым зрением разглядел и лисий профиль святого отца Микульского, и надменную пухлощеку физиономию пана Ярослава Качиньского...

Много я бы дал, чтобы услышать, о чем сейчас там говорят. Но что толку мечтать о несбыточном! Рядом топает княжий посланец, чтоб ему... И ведь не скажешь: ступай, милчеловек, доложи его княжьей мосьци, что я прибуду через считанные минуты. Уж что-что, а дисциплину Иеремя навел у себя хорошую, раз приказал человеку: «сопроводить», то будьте уверены, ни на шаг от меня не отойдет, доставит к самой палатке... Ну, положим, погрузить его в глубокий сон – пара пустяков... Может, даже поверит, придя в себя, что ему солнышко голову напекло... хотя это уже на грани идиотизма. Но как быть с кучей ненужных свидетелей?! Едва ли они спокойно будут смотреть на то, как пан первый советник «вырубает» княжьего слугу, а потом с невинным видом торчит у возка другого советника!

То, что против меня (а заодно и против Тадеуша) плетут заговор – это даже к гадалке не ходи... Ну что же, пан Беджиховский, пеняй на себя! Сам выбрал свою судьбу. Я тебе не благородный рыцарь Пшекшивильский-Подопригорский...

* * *

Может, поляк, появившийся на пороге гетманской горницы, в первое мгновение и был шокирован, углядев такое количество подбитых глаз, расквашенных носов и порванных рубах, но быстро взял себя в руки. Хмельницкий, внимательно смотревший на него, в душе одобрительно усмехнулся: «И впрямь, доброго посланника выбрал пан Кисель!»

С виду шляхтичу было около тридцати лет. Хотя поручиться в том никто не мог бы: в эту пору юноши, закаляясь в походах и бесконечных стычках, мужали очень рано. Пережитые испытания, лишения меняли их облик, делая черты резче и серьезнее... Довольно высоко

кого роста, подтянутый, с тонкими, аккуратно подкрученными усиками, коротко-стриженный, он смотрел на гетмана без тени страха или угодничества, скорее даже с каким-то вызовом. В правой руке шляхтич держал свиток, скрепленный большой красной печатью, левая покоилась на оголовье рукояти той самой сабли, которую он так упорно не хотел отдавать.

– Ротмистр Станислав Квятковский, личный посланник его милости сенатора Речи Посполитой, воеводы киевского и брацлавского, ясновельможного пана Адама Киселя! – громким, уверенным голосом отчеканил поляк, сопроводив свои слова коротким, по-военному четким наклоном головы. – Направлен его милостью к сотнику чигиринскому Зиновию-Богдану... – возмущенный гул, раздавшийся за столом, который в долю мгновения усилился до негодующего ропота, ничуть его не смутил, лишь заставил повысить голос, договорив: – Хмельницкому с личным посланием! Которое обязан вручить означенному сотнику в собственные руки. – И поляк, еще раз склонив голову, поднял на уровень плеча свиток, показывая всем присутствующим.

Прокоп Шумейко, не выдержав, зарычал:

– Батьку, хоть и прогневайся, а не могу терпеть и молчать! Лях тебя бесчестит в твоём же доме!

– Ты гетман наш, всем Войском Запорожским избранный! – поддержал полковник Гладкий. – Пусть так тебя и именуется! Или едет обратно, откуда явился!

Хмельницкий повелительным жестом осадил уже готового взорваться Нечая – у того и старый шрам побагровел, так злился командир Брацлавского полка, – повернулся к ротмистру, нахмурившись, буравя его тяжелым взглядом:

– Пан слышит, что говорят мои полковники?

– Слышу! – твердо ответил Квятковский, в голосе которого при всем желании нельзя было различить даже тени испуга. – Твою особу, пане, они могут именовать как им угодно. Но до тех пор, пока звание твоё не утверждено Сеймом, ты гетманом не являешься. Потому не требуй от меня, чтобы я произносил слова, противные и шляхетскому гонору, и служебному долгу...

Нечай все-таки вскочил на ноги, потрясая стиснутыми кулаками:

– Да что же это такое, братья-товарищи?! Неужто стерпим?! Я его зараз... – у брацлавского полковника перехватило дыхание от ярости.

– На бога! – умоляюще замахал руками Выговский, чувствуя и понимая, что сейчас может случиться непоправимое. – То ж посол, панове! Посол! Персона неприкосновенная...

– А мы не гордые, прикоснемся! – рыкнул Федор Лобода, поднимаясь вслед за Нечаем.

Хмельницкий, сверкнув глазами, вскричал «Тихо!» и с такой силой стукнул кулаком по столешнице, что распаленные вояки враз умолкли. Видно, вспомнили недавнее грозное предостережение про «непотребства».

Гетман, снова повернувшись к поляку, окинул его внимательным, изучающим взглядом и вдруг улыбнулся:

– Да, не ошибся ясновельможный пан Кисель, хорошего посланца выбрал! Что же, не буду принуждать пана к чему-либо невместному. Тем паче, что звание мое мне вольные казаки дали, и это для меня дороже хоть ста решений Сейма... Прошу пана ротмистра сюда, на почетное место, рядом со мной!

Глава 6

Дьяк Астафьев, с должной робостью и смирением понизив голос и всем видом своим выражая негодование, продолжил речь:

– А еще сказывал он, Егорка, что злодей Андриюшка подбивал люд православный по латынскому образцу креститься да папу римского чтить. Тем, кто сделает сие по доброй воле, сулил ласку короля Владислава, когда тот на престол твой взойдет, а также выгоды всяческие! Тем же упорным, кои от веры отцов-дедов отступить не хотели, грозил королевской немилостью и бедами великими...

– Ах, мерзавец! – возбужденно потряс кулаком юный царь.

– Истинно, государь, мерзавец, да еще какой!

– Ты крепко Егорку этого спрашивал, с пристрастием? Уж не врет ли? О таком и помыслить боязно... Чтоб веру святую переменить!

Дьяк усердно закивал:

– Трижды пытан был Егорка, государь... Кнутом били, веником жгли...⁷ Стоял на своем твердо, переменных речей не молвил! Да не он один, иные воры то же самое говорили. Сомнений нет: подлец Андриюшка в угоду Речи Посполитой действовал! Надо полагать, и бежал туда же...

«Попробовали бы иное говорить... – мысленно усмехнулся Астафьев. – Раз сам государь первым решил, что следы за границу ведут...»

– Вот же наградил Господь соседями! – досадливо поморщился, точно от зубной боли, Алексей Михайлович. – За какие только грехи?! Со счету можно сбиться, сколько бед и беспокойств от них!

– Истинно, государь... – с хорошо наигранной скорбью вздохнул дьяк. – Крымская татарва – нехристи гололобые, что с них взять?! Эти же хоть и христиане, а много хуже всякой татарвы, прости, Господи... – Астафьев широко перекрестился, поклонившись на иконостас.

– Гонцов послал? Чтобы передали волю мою?

– Давно послал, государь! Еще когда ты изволил сказывать, что иноземцам злодей Андриюшка служил... Границу стеречь будут – муха не пролетит!

– Мухи-то пускай летают, на здоровье! – махнул рукой Алексей Михайлович. – А вот Андриюшку чтоб изловили! Ежели он, подлец, еще границу не перешел... А коли успел, коли уже в Речи Посполитой – придумай, как бы оттуда его вытащить! За это головой ответишь.

* * *

Лицо пана Качиньского, и обычно-то надутое, вечно недовольное, теперь приняло особенно капризный и в то же время растерянный вид. Будто у избалованного ребенка, который, привыкнув добиваться всего слезами и истериками, вдруг с удивлением обнаружил, что на родителей это больше не действует.

– Панове, як бога кохам, так больше продолжаться не может! Князь окончательно попал под влияние проклятого схизматика! – возбужденным, визгливым голосом выкрикивал он, стиснув пухлые кулачки. – Мало того, что по наущению московита мы побросали в лагере перед Днепром часть имущества...

– Вообще-то, справедливости ради надо признать, что это был дельный совет! – вмешался пан Груховский. Не потому, что чувствовал хоть что-то доброе к московиту, а просто не устоял перед возможностью уязвить давнего соперника, ткнув его носом в ошибку. – Ведь именно

⁷ Разновидность пытки в России вплоть до конца XVIII века.

благодаря этому мы выиграли несколько драгоценных часов. Тех самых часов, которые, возможно, спасли всех присутствующих, включая ясновельможного пана! – Груховский с медовой улыбкой склонил голову в сторону Качиньского. – Согласитесь, что сохраненная жизнь куда ценнее оставленного в лагере добра.

– Поистине так! – перекрестился иезуит Микульский.

Беджиховский свирепо шмыгнул носом, вполголоса помянув нехорошими словами и московита, и мать его московитскую, и бабушку... Ему до сих пор невыносимо жаль было большого сундука с отрезами тканей, бельем и посудой, коим пришлось пожертвовать. Будь проклятый схизматик умнее, наверняка придумал бы способ, чтобы и к Днепру вовремя успеть, и имущество благородных шляхтичей сохранить!

– Пан находится в присутствии духовной особы! – упрекнул его иезуит. Но как-то сдержанно, неубедительно, словно мыслями святой отец был где-то далеко-далеко.

– Пшепрашем...⁸ – процедил сквозь зубы Беджиховский, всем своим видом показывая, что извиняется только по необходимости.

Качиньский, с трудом сдержав клокочущее в нем раздражение, снова заговорил:

– Пусть и так, что с того? Это не изменяет главного: московит входит в силу с поразительной быстротой, которой мы от него никак не ожидали! Его влияние на князя растет не по дням – по часам! Поистине призадумался, не обошлось ли тут без нечистой силы...

– Ой! – дернувшись, подскочил побледневший святой отец, будто его без предупреждения кольнули чем-то острым пониже спины. – Заклинаю, не надо об этом! И без того... Кхм-мм! – иезуит, торопливо оборвав себя на полуслове, сделал вид, будто воздух попал не в то горло.

Пан Груховский уставился на него пронзительным взглядом, весьма далеким от христианского смирения и почтения к сану.

– Прошу его мосць договорить! И без того – что?.. Сейчас не время для тайн, тем более меж своими...

* * *

Еще минуту назад я думал, что отметка «Совсем хреново» – это предел, ниже которого падать некуда. Во всяком случае, для человека с моим жизненным опытом. Но оказалось, что паскудное настроение так не считает. Оставив эту отметку далеко позади, оно неудержимо устремилось к рубежу «Полный...».

Потому что то самое шестое чувство, которое меня никогда не подводило, вдруг властно напомнило о себе. А вслед за ним опять прорезался внутренний голос, вроде бы загнанный в такую даль!

«Эх, Андрюха, не тот ты уже, не тот! Как же мог не сделать самого элементарного?»

На этот раз я никуда не стал его отправлять. Возразить-то было нечего! И никакой ссылкой на усталость и нервное напряжение не оправдаешься...

К своему стыду, я даже не попытался вообразить, как действовал бы, будь на месте Максима Кривоноса. Да, мы отгородились от преследователей широкой и глубокой рекой, уничтожили «понтонный» мост... во всяком случае, в его средней части. Заодно пустили ко дну все лодки, находившиеся в пределах досягаемости. Но разве из этого следует, что погони можно уже не опасаться? Особенно, зная, что вражеский предводитель одержим мстостью? Да ни в коем случае!

Я постарался вспомнить карту Украины. Мы форсировали Днепр выше Киева, оставив его примерно в пятидесяти километрах к югу. Мостов в городе, кажется тогда не было... Да и

⁸ Прошу прощения, извиняюсь (*польск.*).

весь он вроде бы в ту пору располагался на правом, высоком, берегу реки. Но все равно какая-никакая переправа должна же быть налажена! Всякие там паромы... Да и лодок наверняка хоть отбавляй. Так что Кривонос довольно быстро оказался бы на другом берегу. Хотя город еще под властью пана Адама Киселя... Стоп!!!

Хотелось хлопнуть себя по лбу, обозвав вдобавок непечатными словами. Сдержался только потому, что рядом был княжий порученец. Пану первому советнику негоже ронять свой авторитет.

Как я мог забыть! Ведь люди Хмельницкого заняли Киев в самом начале июня! Так что теперь примчавшемуся Максиму будет обеспечен и самый радушный прием, и полное содействие в переправе. Он, конечно, потерял время. Сначала ему надо было добраться до Киева, это как минимум несколько часов, даже если гнать коней галопом. Но если кони свежие, а они у него были заморенные погоней... Положим, на дорогу до Киева ушел весь остаток дня. Потом – переправить через широкую преграду большой конный отряд... А перед этим дать хотя бы пару часов на отдых, ведь люди и лошади не железные. И снова бросился в погоню, зная, что нам путь преградит река Тетерев... Так сколько же, черт побери, у него могло уйти времени на все это? Какая у нас фора?

Глава 7

К явному недовольству и даже неприкрытому ужасу полковников, Хмельницкий и впрямь посадил пана Квятковского по правую руку от себя. Возражения и ропот были пресечены гневным возгласом: «Такова воля моя, панове! То – посол!» Ну а молодой поляк занял предложенное ему место с таким невозмутимо-самодовольным видом, будто ничего другого и не ожидал. Чем вызвал яростный зубовой скрежет, донесшийся со всех концов длинного стола (ничуть, впрочем, его не смутивший).

Гетман, желая разрядить напряжение, тут же передал врученный ему свиток генеральному писарю, по-прежнему сидевшему слева от него:

– У меня нет секретов от сподвижников моих, храбрых товарищей! Пусть все узнают, что пожелал написать мне пан воевода! По слову моему начнешь зачитывать, Иване, да громко, чтоб ни единого слова мимо ушей не пролетело...

– Однако же обязан заметить пану сотнику, – тут же вскинулся Квятковский, упорно не называя Богдана гетманом, – что слова ясновельможного пана сенатора были предназначены лишь для его особы!

– То не беда, – торопливо ответил Хмельницкий, предупреждая вспышку ярости все того же Данилы Нечая, – сподвижники мои надежны, и далее этой горницы содержимое листа не уйдет. Ведь так, панове?

«Сподвижники» ответили утвердительным глухим ворчанием, испепеляя надменного ляха нехорошим коллективным взглядом.

– Что ж, пан сотник в этом доме хозяин, ему и решать, – скептически протянул Квятковский, пожав плечами. Ротмистр и тоном, и видом своим демонстрировал, что он очень сомневается в разумности такого решения.

Федор Лобода, свирепо засопев, как потревоженный медведь, чуть не прожег поляка единственным уцелевшим глазом:

– Да не будь ты послом...

– О, ничуть не сомневаюсь, что моя участь была бы крайне печальна! – с притворным испугом захлопал веками Квятковский. – Дрожу от одной мысли, что сделал бы со мной столь храбрый и заслуженный муж, неустрашимый в сече! Я вижу, пан до сих пор носит боевые отметины, полученные при Корсуне? – Ротмистр выразительно уставился на здоровенную красно-сизую «гулю», украсившую другой глаз Лободы.

Часть панов полковников (особливо из тех, кто недолюбливал командира переяславцев) так и грохнула раскатистым, залиvistым хохотом. Смеялся, утирая слезы, даже Прокоп Шумейко, совсем недавно ругавший ляха. Другая часть, негодуяще потрясая кулаками и топая, загалдела, требуя от Богдана, чтобы укоротил язык дерзкому. Шум и гвалт поднялся такой, что в горницу, переборов страх перед гетманским запретом, влетели казаки: уж не смертоубийство ли началось, борони боже?..

* * *

Княжеский советник пан Доминик Груховский, растерянно моргая, уставился на святого отца, словно пытаясь понять: не ослышался ли он? Потом перевел взгляд на своего извечного соперника и увидел на его пухлощекоем лице целую гамму чувств, начиная с ошеломленного недоверия и заканчивая злобным торжеством.

– Но это же... Это просто... У меня нет слов! – кое-как выговорил Груховский.

– А какие слова тут еще нужны, проше ясновельможного пана советника? – тут же влез Беджиховский. – Схватить московитянку, осмотреть и, коли сыщутся эти пятна – на костер, как ведьму! После допроса с пристрастием, разумеется...

– Ну а коли никаких пятен там не будет?! – чуть не взмолился ксендз Микульский. – Пан легко может представить, в каком глупом положении мы тогда окажемся! Еще раз говорю, все это известно лишь со слов пани Катарини, которая случайно услышала разговор покоевок...

– Дыма без огня не бывает! – упрямо стоял на своем Беджиховский. – Можно ли помыслить, чтобы какая-то покоевка ни с того ни с сего возвела поклеп на знатную пани, пусть и схизматичку?! Да ни за что нас свете! Она же знает, чем ей это гро-зит!

– Да, в словах пана есть логика, – кивнул Качиньский. – Однако ж и его мосць абсолютно прав: тут нужна сугубая осторожность. Крайне досадно, что эта самая Зося бесследно исчезла... Во всяком случае, учинив ей допыт, можно было бы определить: действительно ли она видела эти пятна или они просто померещились глупой бабе...

– Она вовсе не глупая! – машинально возразил Микульский и тут же умолк, покраснев. В таких интимных подробностях припомнилась ему последняя встреча с Зосей.

– Тем более! – радостно подхватил Беджиховский. – Раз не глупая, ей точно не померещилось и ничего она не придумывала... Панове, вы только представьте, какая великая удача! Мы ломаем головы, как отвадить проклятого московита от князя, а тут причина – лучше не придумаешь! Ведь он же ее жених, верно? Это ж такая компрометация – як бога кохам, нарочно сделать нельзя! Невеста – ведьма! Хоть бы клялся всеми святыми, что понятия об этом не имел, кто ему поверит?!

Груховский кивнул, хоть и не совсем уверенно. Хотел что-то сказать, но промолчал, выжидая.

Качиньский, сдвинув брови, напряженно размышлял, отчего его лицо стало выглядеть еще капризнее.

– Конечно, соблазн велик... – задумчиво протянул он наконец. – Однако же и риск немалый! Мы должны сначала убедиться. Нужны неопровержимые доказательства! Ошибка тут недопустима.

– Совершенно верно! – поддержал Груховский, хоть с явной неохотой. – Конечно, трудно представить, что покоевка оболгала московитскую княжну, тут я согласен с паном Беджиховским. Если бы по злобе, за обиду – это можно понять. Однако же они прежде не встречались, а московитка еще была в беспамятстве! Так что обидеть покоевку она ничем не могла. Эта Зося скорее всего действительно что-то увидела на ее теле. Но что именно – вот в чем вопрос! И ясновельможный пан советник совершенно прав: сначала надо получить доказательства, а потом уж предъявлять обвинения.

– А-а-ааа, пышное панство! – заскрежетал зубами Беджиховский, вне себя от нетерпеливой злости. Подумать только: презренный выскочка-московит, по наущению которого он, потомственный шляхтич с длиннейшей родословной, был назначен помощником к какому-то схизматскому правнуку, уже почти в руках, а эти... «Подождать, убедиться...» Дождетесь, что пан Анджей на шею князю сядет и ножки свесит! Вот тогда его оттуда не стащите! Доказательства вам нужны?! Будут! Погодите немного!..

Распахнув дверь возка, он буквально выпрыгнул наружу, прежде чем его успели остановить.

Вид костра, разведенного совсем недалеко от входа в огромную палатку Иеремии, больше напоминавшую шатер, оптимизма мне не прибавил. Хотя он уже явно угасал. Настроение же не скакнуло с отметки «Полный...» на еще более паскудную по одной-единственной причине: было некуда. Даже теоретически я никогда не рассматривал такую возможность.

«Э-э-э... Андрюха, тебе это ничего не напоминает?» – с непривычной робостью промямлил внутренний голос.

Напоминало, еще как! В памяти тут же всплыли многочисленные страницы трилогии Старицкого, на коих красочно описывались переносные жаровни, служившие неплохим дополнением к переносным же дыбам. А также раскаленные на этих самых жаровнях железные полосы, клещи и прочий походно-полевой реквизит, используемый для средневековых форсированных допросов.

Если скажу, что не испугался, это будет глупым и неуклюжим враньем. И к тому же бессмысленным. Я до сих пор жив только потому, что давно и крепко усвоил истину: бояться не стыдно. Даже герой и тот боится смерти, а еще больше – смерти медленной и мучительной. Так что ничего постыдного в самом факте испуга нет. Напротив, он мобилизует все силы, впрыскивая в кровь адреналин.

Нельзя лишь дать страху овладеть собой, отшибить разум и лишить самообладания. Потому что тогда – точно конец.

На ничтожную долю секунды мелькнула дикая, шальная мысль: «выключить» вестового, прыгнуть в седло княжеского коня (возражения конюха не волнуют, в крайнем случае потрачу на него еще пару секунд), помчаться в ту сторону, где собрались для водных процедур бабы... пардон, ясновельможные пани и панны со своими служанками, по пути – прихватить запасную лошадь для Анжелы... Слава богу, тут же прогнал ее. Шансов – ноль целых ноль десятых. Или застрелят, или догонят. Не такие уж мы классные наездники, чтобы состязаться с уланами.

В конце концов, не безумец же князь! Я ему очень нужен! Конечно, ревность – страшная штука, но даже если какая-то сволочь успела натрепать про страстные Гризельдины взгляды, подозрения – еще не уверенность...

Стоявшие у входа стражники вытянулись в струнку. А их старший, с нашивками вахмистра, почтительно склонился, отодвигая полог:

– Его княжья мосць ждет ясновельможного пана первого советника... Уже все готово!

В голосе вахмистра слышались зловещие нотки. Или мне только показалось?

Сделав несколько коротких, быстрых вдохов-выдохов, чтобы унять заколотившееся сердце, я вошел внутрь, постаравшись принять почтительно-серьезный вид. Глянет со стороны любой поляк – ни дать ни взять верноподданный спешит засвидетельствовать свое почтение сюзерену.

Ручаюсь, никто из них не понял бы, что видит боевую пружину, сжатую до предела. Готовую в любой момент сбросить стопор, распрямиться и хлестнуть так, что мало не покажется никому...

Глава 8

«Что может быть хуже голых мужчин?!» – в сердцах воскликнула однажды прелестная китаяночка Мулан, отправившаяся на войну под именем сводного брата Пинга и быстро понявшая все неудобства своего положения... Особенно при водных процедурах.

Анжела обожала этот диснеевский мультфильм, а эпизод на берегу водоема приводил ее в восторг, смешанный с экстазом. И, естественно, ей в голову не могло прийти, что наступит день, когда она уверенно ответит на этот вопрос: «Куча голых баб!»

Нет, застенчивость тут была никаким боком. Ею, как и излишним ханжеством, достойная дочь двадцать первого века сроду не страдала, хотя попытки двух знакомых по конной секции, убежденных нудисток, затащить ее на пляж к «братьям и сестрам» в Серебряном Бору были решительно отвергнуты. Анжела терпеливо объяснила, что дело тут вовсе не в ложной стыдливости – ведь микроскопический треугольный лоскутик на лобке и нашлепки на сосках можно принять за купальный костюм только при плохом зрении или с перепоею. И уж тем более она не боится посягательств мужчин, распаленных видом ее девственно обнаженных прелестей... Да знает, знает, что серебряноборскую братию ими не распалишь! Просто не считает нужным избавляться от этих «остатков». Во-первых, ультрафиолет очень вреден для женских сосков, взрослым девкам знать бы надо! Во-вторых, этот песочек, чтоб ему, обладает подлой способностью забиваться в самые укромные места даже при наличии трусиков! А уж без них... А кто знает, сколько глистов и прочей гадости на этом серебряноборском пляже! Опять-таки и собачки там бегают, лапки задирают... Извините, уподобляйтесь Еве до грехопадения, на здоровье. Но без меня. Пусть трусики и впрямь микроскопические, а все же в них спокойнее.

Вроде растолковала ясно, четко, подробно... Не дошло. Вновь принялись уговаривать, божась, что песочек там чуть ли не стерильный. Тогда Анжела психанула, подробно объяснив, куда им надо пойти со своими правилами «единения с природой» и чем там заняться. Обиделись, отстали.

И вот теперь красавица-блондинка, растерянно озираясь по сторонам, впервые пожалела, что не поддавалась на уговоры. Поскольку тогда она едва ли привлекла бы внимание толпы голых полячек во главе с ясновельможной княгиней Гризельдой! А также ввергла дочерей семнадцатого века в состояние, которое решительно невозможно описать одним словом, даже при всем желании. Впрочем, в двух или даже трех – тоже.

Хотя справедливости ради надо сразу указать, что сначала Анжелина нагота привлекла внимание всего одной полячки – толстой пани Катарини. Она же, побледнев и застучав зубами, испустила такой вопль, будто увидела в воде возле себя дохлую мышку. А потом, закатив глаза и схватившись... скажем деликатно, за то место, где полагается быть сердцу, завалилась набок, чуть не придавив родную дочку. Агнешка самоотверженно пыталась удержать мамулю, но добилась лишь того, что в воду шлепнулись обе. Приливная волна хлестнула на берег.

Естественно, через несколько мгновений вокруг них собралась толпа. Как всегда бывает в подобных случаях, все дамы загалдели одновременно. Одна шумная пани доказывала, что пани Катарину больно ущипнул рак. Другая с презрительным смешком ответила, что на песчаном мелководье раки не попадают. Третья с ядовитой вежливостью тут же указала, что по-настоящему благородная пани в таких хлопских мелочах вовсе ничего не смыслит, а вот всякие случайные выскочки, которых зачем-то пустили меж вельможной шляхты... Четвертая гневно поинтересовалась, кого это имеют в виду. Пятая... Словом, если бы озадаченная и рассерженная Гризельда, выбежав из своей персональной купальни – участка берега, огражденного полотнищами, – не повысила голос, потребовав тишины, эта самая тишина установилась бы ой как не скоро!

– Так что все-таки произошло?! – строго спросила княгиня у пани Катарини, которую кое-как привели в чувство.

Бедная женщина, трясась, как груда студня (и в прямом, и в переносном смысле), с трудом промямлила:

– Вот они... Ведьмины пятна!

И, торопливо перекрестившись, шепча посеребрившими губами: «Матка Бозка, смилуйся и защити...», поочередно указала на соски и лобок Анжелы.

* * *

Добрая выпивка (а особенно еще под сытную, обильную закуску) способна творить чудеса, это известно всем.

Пан ротмистр Квятковский, как и подобало природному поляку, сначала всячески держал дистанцию меж собой и «схизматиками», оказывая – и то скрепя сердце – уважение одному лишь Хмельницкому. Как-никак хозяин, да еще бывший генеральный писарь войска реестрового. Но после того как по настоянию самозваного гетмана сперва выпили за здоровье дорогого гостя, то бишь самого Квятковского, потом – за здоровье ясновельможного пана сенатора Адама Киселя, пославшего его сюда с листом, а почти сразу же вслед за этим помянули душу безвременно усопшего короля Владислава, ротмистр почувствовал, как что-то теплое шевельнулось в душе. Уж до того трогательную речь произнес сотник Чигиринский! Прямо голос дрожал, когда перечислял достоинства покойника: такой-де был умный, великодушный, благородный, с таким подлинно христианским смирением и мужеством нес свой тяжкий крест, подвергаясь злобной хуле и нападкам беззаконников-магнатов. Отцом родным был для всех детей Речи Посполитой, не различая и не выделяя никого ни по вере, ни по языку, как и подобает мудрому справедливому родителю. И вот призвал его теперь Господь, а дети осиротели... Плачьте же, плачьте, панове! И самозванец впрямь всхлипнул, утер слезы, заблестевшие на глазах. А сподвижники его по мятежу просто возрыдали! Грубиян с подбитым глазом, который грозился «дотронуться» до особы посла, вообще затрясся, закрывая лицо ладонями...

«Ну, хамское быдло, конечно... – подумал растроганный ротмистр, с удивлением и растерянностью чувствуя, как запершило в собственном горле. – Но что-то человеческое в них еще осталось! Какая-то искорка теплится...»

Выждав приличествующее время, он напомнил самозванцу про послание ясновельможного пана сенатора: пора, мол, вскрыть и прочесть! На что тут же услышал, что к столь важному делу немислимо приступать, покуда пышный гость, осчастлививший его скромный дом своим визитом, не утолил голод. Слава богу, никто еще не упрекал Зиновия-Богдана Хмельницкого в неучтивости и нарушении обычаев гостеприимства! Ротмистр хотел было возразить, что он уже вполне сыт и самое время приступить к делу... но обнаружил, что его кубок снова наполнен до краев. Самозванный гетман громовым голосом призвал всех присутствующих выпить за славу и процветание их любимой отчизны, раскинувшейся «от можа до можа». Ясное дело, увильнуть было немислимо. Потом без перерыва выпили еще за родителей пана ротмистра, осчастлививших Отчизну столь славным сыном. Потом кто-то из панов полковников, сидевший рядом с послом, еле ворочая заплетающимся языком, ехидно заметил, что сын, похоже, и впрямь славный, но вот в питье с казаками ему явно не тягаться... Ну а смолчать в ответ на столь наглое высказывание было бы противно чести шляхетской!

Выхватить саблю ротмистру не дали, буквально повиснув у него на руках. Опускаться же до хлопского мордобоя было бы еще противнее для той самой чести. Поэтому кипевшему от негодования Квятковскому оставалось лишь одно: осрамить наглеца, доказав делом свое первенство! И он, гордо вскинув голову, вызвал обидчика, коим оказался полковник Матвей Гладкий, на состязание. Все тут же встрепенулись, одобрительно загалдели, затопали... Само-

званец, с доброй улыбкой глядя на ротмистра, кивнул, хлопнул в ладони и велел джурам подать еще горилки.

– Да побольше, хлопцы! – уточнил он. – Бо противники достойны друг друга, ей-ей...

* * *

Князь покачал головой – не в знак отрицания, а просто, как человек, услышавший нечто совсем неожиданное, что несколько обескуражило, сбило с толку.

– Я уже неоднократно убеждался, что советы пана очень полезны, – задумчиво произнес он. – Но сейчас, признаюсь, в замешательстве! На чем основаны подобные опасения?

Ну, и что ему ответить? Сослаться на загадочное «шестое чувство»? Или на реальную историю? Можно, конечно... только в реальности-то Максим Кривонос дважды разбил отряды князя – под Староконстантиновым и под Махновкой... Нет, к Нестору Ивановичу, еще не рожденному на свет, эта Махновка не имеет ни малейшего отношения... Главное – что она на правом берегу Днепра, а не на левом, как Гуляй-Поле!..

– Дело в том, ясновельможный, – я постарался придать и своему лицу, и голосу максимальную серьезность, насколько это возможно для голого человека, сидящего в переносной походной ванне, – что на самом деле, то есть согласно реальному ходу событий... э-э-э... Кривонос переправился через Днепр. И преследовал твою княжью мосць весьма долго и упорно...

– Вот же назойливый мерзавец, пся крев! – нахмурился Вишневецкий, сохранивший внушительный вид, даже будучи в чем мать родила. Князь занимал вторую ванну, стоявшую почти вплоты к той, где нежился его первый советник. – Самое интересное, я уже голову сломал, пытаюсь вспомнить его мальчишку, и не могу! Ну никак не приходит на ум, за что я мог казнить этого щенка! Может, так распорядился один из моих старост?

– Не исключено, ясновельможный, – кивнул я. – Однако же горе отца от этого меньше не становится.

– Поговорим об этом позже, – недовольно отрезал Вишневецкий. Точь-в-точь как несколько дней назад. – Так, значит, пан первый советник настаивает на своем предложении?

Ох, как не хотелось отвечать утвердительно! Ванна, пусть и тесная, казалась такой уютной, горячая вода нежила, расслабляла...

– Настаиваю, ясновельможный! – с чуть слышным вздохом сказал я.

Князь тоже вздохнул, но довольно шумно.

– Что скажут дамы – страшно даже представить! – задумчиво протянул он. – Особенно ясновельможная княгиня...

– Но ведь это для их же блага... – пожал я плечами.

– Пан надеется, что они это поймут? – как-то невесело рассмеялся Иеремия.

– Ничуть не надеюсь, ясновельможный. Но так надо!

Вишневецкий после чуть заметной паузы кивнул:

– Надо – значит, надо... Но, тысяча дьяблов, пусть хоть сам Хмельницкий гнался бы за нами со всем своим войском, а мы еще час отдохнем. Гей, слуги! – Он хлопнул в мокрые ладони, воздев их над головой. – Еще воды, да погорячее!

Откинулся полог, в палатку поспешно вбежали люди с ведрами, от которых шел пар.

«Час так час...» – подумал я, откинувшись затылком на деревянную стенку ванной, и закрыл глаза. Хорошо-то как, о боже... Как мало надо усталому человеку, чтобы чувствовать себя счастливым!

Я входил в эту палатку, готовый ко всему. Но только не к виду двух ванн с горячей водой, в одной из которых плескалось брненное тело моего господина и повелителя, будущего короля Речи Посполитой. Князь с довольной улыбкой предложил мне занять свободную емкость, не

забыв уточнить, что это – великая честь, узнав о которой, паны Груховский и Качиньский позеленеют от бессильной злобы.

Надеюсь, моего замешательства он даже не заметил. Или приписал обалдению от столь высокой чести... Не объяснять же ему, что у меня в эти секунды с плеч свалился камень весом под добрый центнер!

Глава 9

– Матка Бозка! – с нескрываемым уважением и завистью произнесла княгиня Гризельда. – Поистине, это хороший урок всем нам: никогда никого не презирать! Мы считали московитов невежественными и отсталыми, а они... – судя по порозовевшим щекам княгини, она уже мысленно пользовалась всеми благами московитской цивилизации, столь красочно описанными княжной Милославской. Впрочем, если учесть, что точно так же смущенно зарделись лица у всей женской аудитории, обступившей московитку полукругом, Гризельда явно не была одинока в своих мечтах. Даже служанки, скромно толпившиеся немного поодаль, затаили дыхание, чтобы ничего не пропустить.

Если бы кто-то сказал Анжеле, что наступит день, когда ей придется читать лекции доброй сотне совершенно голых женщин, она или расхохоталась бы шутнику в лицо, или приняла его за ненормального. Особенно если бы он уточнил, что и сама лекторша будет в костюме Евы. Тем не менее это произошло. Благодаря микроскопическому купальнику, несусветно жаркому московскому маю и глупому суеверию толстой тетки Катарины... Ох, неужели Агнешка, когда родит, тоже так расплывется?! Генетика – страшная штука...

Сначала она ничего не поняла. Потом, когда до нее дошло, в чем дело, бедную блондинку обуял самый настоящий ужас. Поскольку у нее хватило ума понять, что положение очень серьезное! Средние века все-таки... Она в полном одиночестве, среди толпы религиозных фанатичек. Ну, пусть даже не фанатичек... хрен редьки не слаще!

До сего дня Анжела понятия не имела, что в минуту серьезной опасности организм человека способен творить чудеса. Причем отнюдь не только в физическом смысле... Ужас очень быстро исчез из ее светловолосой головки, вытесненный холодной, безупречной логикой – той самой, над которой всласть поиздевались в тысячах анекдотов про блондинок.

– А-а-ааа, вот вы о чем! – с доброй улыбкой протянула она, оглядев свое тело, будто увидела его впервые в жизни. – Так у нас в Москве с недавних пор принято, чтобы благородные женщины принимали солнечные ванны! Конечно, это позволено не всем, а только самым знатным, из древних родов, ведущих начало от... – Анжела, на секунду запнувшись, лихо радочно старалась вспомнить, как же звали этого чертова варяга, призванного на княжение. Не вспомнила, но выкрутилась, договорив: – От основателей державы российской! Например, из рода Милославских! – и смерила толпу обступивших ее полячек снисходительным взглядом барыни, решившей пообщаться с «подлым народом». – Лекари утверждают, что это очень полезно для женского здоровья, а особенно для кожи: она тогда становится гладкой, упругой, красивой, шелковистой, без единого прыщика, словно у ребенка...

Глаза у дочерей Речи Посполитой сразу загорелись неподдельным любопытством, и Анжела поняла, что попала в свою стихию. Только толстая пани Катарина, поднявшая тревогу, все еще не сдавала:

– Так что же, там дамы из знатных семейств разгуливают... в непотребном виде?! И, проще княжну, что это все-таки за следы?!

Взгляд, которым наградила ее Анжела, мог бы вогнать в краску каменную половецкую бабу. Так, наверное, могла бы посмотреть дама из высшего общества на неотесанную бедную родственницу-провинциалку, заявившуюся к ней в гости без приглашения.

– Я как раз собиралась об этом рассказать... Но у благородных польских пани, я погляжу, принято перебивать, не дослушав?..

Пани Катарина, на которую полячки уставились коллективным взглядом василиска, зарделась от стыда, замахав руками: да сохрани Матка Бозка, ни за что на свете...

* * *

Князь, повелительным взмахом руки отослав слуг с пустыми ведрами, пристально посмотрел мне в глаза:

– Я дал слово не торопить пана первого советника, не допытываться, что же за чудесные новинки он хочет внедрить. И я сдержу его. Однако у меня есть некие сомнения и опасения... Буду рад, если пан Анджей их развеет.

– Почту за честь! – тут же откликнулся я.

– Положим, мы дождемся и позора под Пилявцами, и многократного усиления Хмельницкого. Сейм, как предсказывает пан Анджей, переборет свою гордыню и призовет меня: приходи, мол, князь Иеремия-Михаил, спасай Отчизну! Разумеется, я не откажу. Но – пан первый советник особо указывал – нам надо одержать такую впечатляющую победу, продемонстрировать такую мощь, чтобы внушить Сейму самый настоящий страх. То есть это должна быть не просто победа над бунтовщиками, а разгром. Полный, абсолютный, беспощадный. Пан Анджей согласен со мной?

– Полностью согласен, ясновельможный!

– Вот тут и возникает вопрос, каким образом достичь подобного разгрома? Казаки, надо отдать им должное, дерутся с отчаянной храбростью. Конечно, – Вишневецкий снисходительно усмехнулся, – я не раз уж бивал их! И против удара моих гусар им не выстоять... Да не только им – ни одна армия мира не сдержит атаки гусарских хоругвей!

Я решил не возражать.

– Но ведь такое бывало и прежде. Почуяв, что проигрывают, они просто-напросто кинутся врассыпную, разделятся на великое множество мелких загонов, чтобы потом воссоединиться вновь. Как пролитая капля ртути! Да, мы одержим победу, но едва ли она будет равнозначна разгрому. И очень сомневаюсь, что члены Сейма придут в благоговейный трепет... – Иеремия выразительно уставился на меня, точно приглашая: ну, любезный, я жду твоего ответа!

Умен, негодяй! Бесспорно, умен... Впрочем, на глупца и я не сделал бы ставку. Ну, что ему сказать?

– Сомнения твоей княжьей мосци вполне естественны и понятны, – осторожно начал я, тщательно подбирая слова. – Тем не менее мы добьемся своего! И победа будет сокрушительной, и магнаты Речи Посполитой придут в ужас... Прошу ясновельможного еще немного подождать. Как только мы окажемся в безопасном месте, я посвящу его во все. Слово офицера! – Видя, что князь недовольно хмурится, я поспешно договорил: – Пока же могу лишь намекнуть: прославленным княжьим гусарам в грядущей победе будет отведена очень скромная роль. Их роль сыграют совсем другие войска!

– Какие, проше пана Анджея? – нетерпеливо вскинулся Иеремия.

И я решил. В конце концов, немного раньше, немного позже...

– Ясновельможный наверняка помнит, как он спрашивал меня о танках? Так вот, я создам нечто подобное. Быстрота, маневренность, огневая мощь! Против такого сочетания не устоит никто.

– Подробнее, як бога кохам! Подробнее! – чуть не подскочил в ванне князь.

– Что же, если ясновельможному угодно...

И я начал рассказ. Конечно, ограничившись лишь общей картиной, без указания деталей. Но и в таком виде он произвел просто ошеломляющее впечатление. Князь не смог (да, наверное, и не захотел) скрыть эмоций:

– Матка Бозка! Поистине, все гениальное – просто! Казалось бы, такая простая, естественная, вещь... В самом деле: на ближней дистанции не требуется ни особой точности боя,

ни даже силы... Конная артиллерия! Кто бы мог подумать... Подпустить бунтарей вплотную, а затем – быстрый разворот и залп! В упор! Картечью! О-о-о, не хотел бы быть на их месте...

– И я не хотел бы...

– Однако же, проше пана, как утаить сие мероприятие от Хмельницкого да и от Сейма? Конечно, можно принять самые строгие меры секретности, карать смертью за развязывание языков... Но – выплавку столь великого множества пушек едва ли можно удержать в тайне! Купить на стороне? Тоже не выход... Что предлагает пан первый советник?

– Я уже думал об этом... Заверяю твою княжью мосць, что секретность будет соблюдена. Однако для этого совершенно необходимо соблюдение некоторых условий... – Я, многозначительно умолкнув, уставился на князя.

– Каких именно? Пусть пан говорит совершенно откровенно, ничего не скрывая!

– Первое и самое важное условие – это абсолютное доверие княжьей мосци! Увы, не сомневаюсь, что завистники и недоброжелатели постараются настроить ясновельможного князя против меня. Не брезгуя буквально ничем – ни мелкими подлостями, ни самыми гнусными и нелепыми измышлениями...

Я мысленно аплодировал сам себе: хорошо подвел дело к главному! Так, теперь еще немного благородного негодования в голосе...

– Они могут взывать к набожности ясновельможного: дескать, убежденный католик приблизил к себе какого-то схизматика! Они наверняка будут говорить всякие гадости про мою спутницу, упрекая нас в грехе. Или измыслят про нее еще какую-то гнусность. Даже... Даже допускаю, что они начнут нашептывать князю совсем уж невозможные и бесстыдные вещи! Например, что будто бы ясновельможная княгиня Гризельда одарила меня своей благосклонностью... – Я с сокрушенно-горестным видом вздохнул и пожал плечами.

Иеремия расхохотался:

– Хотел бы я взглянуть на смельчака, который рискнет сказать мне такое! Пан первый советник наверняка имеет в виду Груховского с Качиньским? У них духу не хватит! Может, мой исповедник? – новый взрыв хохота потряс его худощавое тело. – Или... этот, как его, Беджиховский?

– Не исключено, что именно Беджиховский... – скорбно вздохнул я. – Идя к ясновельможному, я видел, как он, украдкой озираясь, сел в возок пана Груховского, где уже находились паны Качиньский и Микульский... Похоже, речь идет о самом настоящем заговоре!..

У входа в палатку вдруг раздался шум, послышались испуганные голоса стражников: «На бога, не можно! Ясновельможный принимает ванну!», перекрытые могучим ревом пана Дышкевича: «Прочь с дороги!», затем полог палатки откинулся... и нашим взорам предстал разъяренный начальник личной княжеской охраны. В могучих ручищах пана Дышкевича что-то жалобно извивалось и трепыхалось. При более тщательном рассмотрении это «что-то» оказалось тем самым паном Беджиховским.

Швырнув его к своим ногам, Дышкевич проревел:

– Проше твою княжью мосць... Вот он, паскудник, лайдак! Подглядывал, пся крев, за ясновельможной княгиней!!!

Глава 10

Ротмистр Квятковский, не посрамив ни имени своего, ни шляхетского звания, одержал победу над полковником Гладким. Какая-то незамутненная часть сознания все-таки нашептывала, что не будь дьяблов схизматик уже в изрядном подпитии к началу состязания, еще неизвестно, чье лицо первым уткнулось бы в столешницу с громовым храпом. Но эта здравая мысль тут же сменилась ликующим торжеством... тем паче, что самозванный гетман провозгласил тост за победителя, и уклониться опять-таки было немислимо, да и не хотелось, если честно...

Стены гетманской горницы плясали перед глазами, в ушах раздавался непрерывно усиливающийся звон, а душе было одновременно и тоскливо до одури, и до невозможности хорошо. Осоловевший победитель вдруг с удивлением обнаружил, что сидит не рядом с Хмельницким, а бок о бок со здоровенным громилой Прокопом Шумейко, бережно обнимая его за талию, словно хрупкую красуню⁹. Могучая ручища командира нежинцев, соответственно, покоилась на плече у поляка. Вдребезги пьяный Прокоп убеждал Станислава Квятковского, что тот дуже гарный и справный хлопец, хоть и лях клятый. Снова проявились какие-то остатки трезвомыслия, настоятельно побуждавшие потребовать сатисфакции за столь нестерпимое оскорбление, противное польскому гонору. К потрясению и ужасу пана ротмистра, вместо этого он издал какой-то неразборчивый горловой всхлип и, смахнув рукавом набежавшую слезу, тотчас же, без самой малой паузы, затянул сильным, звучным тенором песню. Про какую-то дивчину, которая несла воду...

Возрыдавший от нахлынувших чувств Прокоп Шумейко сграбастал его в свои медвежьи объятия, стиснув так, что чуть не хрустнули ребра, смачно, от души, троекратно облобызал, после чего сам подхватил ту же песню могучим хриплым басом.

Все прочие паны полковники, которые еще могли что-то соображать, довольно дружным хором подхватили припев, начисто заглушив и жалобные хрипы полузадушенного пана ротмистра, и всполошенные призывы генерального писаря Выговского: «На бога, осторожно! Задавите посла!»

Со страдальческим стоном приподнял было голову и разлепил сомкнутые веки пробудившийся полковник Матвей Гладкий, сияясь понять: что за чертов шум его потревожил. Не понял и улегся снова.

Гетман, у которого тоже в голове стоял изрядный шум, иезуитски усмехнулся.

– А что, Иване, вскрывай-ка лист пана сенатора! – приказал он Выговскому. – Вот зараз и прочтешь...

* * *

Пан Беджиховский, выбравшись из возка заговорщиков, впрыгнул в седло запасного коня и дал шпоры. Первая, самая сильная, злость понемногу унялась, и в голову пришла вполне ясная мысль: кратчайшей дорогой к месту, где купаются дамы, не прорваться, там выставлены надежные караулы... Да и не на виду у всего лагеря же это делать! Придется добираться кружным путем, обогнув кромку леса. А если попадутся дозоры – сделать вид, будто едет княжью волю передать: ясновельможный, мол, приказал усилить бдительность на тот случай, если объявятся загоны бунтовщиков...

Так и случилось. Пару раз его окликали: кто едет да по какой надобности? Хорошо поставленным начальственным голосом пан Беджиховский выкладывал только что сочиненную легенду и добавлял от себя, строго грозя пальцем: «Так чтобы смотрели в оба!» После чего,

⁹ Красавицу (укр.).

свернув с опушки на первую подходящую тропу, ведущую к реке, углубился в лес. А вскоре свернул и с тропы, спешился, завел коня в заросли погуще, привязал к молодому деревцу. Запомнил место, на всякий случай сделал кинжалом насечки на нескольких стволах, вернулся к тропе и пошел вдоль нее, скрываясь за кустами.

Вскоре впереди просветлело и донесся многоголосый женский гомон. Пана Беджиховского вдруг прошиб пот, и не только потому, что день был очень жарким... Торопливо перекрестившись, он прошептал: «Матка Бозка, прости меня, грешного...» – утер взмокший лоб рукавом жупана и продолжил движение, стараясь ступать совершенно бесшумно. Легонький хруст тонких сухих веток под ногами казался ему артиллерийской канонадой. Пан нервно вздрагивал и шептал пересохшими губами молитвы, обращенные ко всем святым угодникам сразу.

«Это же ради святого дела, як бога кохам! Для нашей матери-церкви! Этим рохлям нужны доказательства?! Добуду! Своими глазами увижу! Прости, Господи...»

* * *

Даже самый опытный разведчик, много лет успешно выдававший себя за совершенно другого человека в глубоком вражеском тылу, может внезапно проколоться. Ведь человеческий организм – не машина! Секундная расслабленность, потеря бдительности – и вот уже тщательно загнанный вглубь, усыпленный, рефлекс вдруг пробуждается, срывая с хозяина маску...

Ангела опытной разведчицей не была. Впрочем, неопытной – тоже. А сделала за эти дни куда больше, чем можно было ожидать от человека, попавшего в ее положение... Да еще только что, испытав сильнейший испуг, вывернувшись из очень опасной ситуации! На чистом везении, сполна использовав принцип «Нахальство – второе счастье». Так стоит ли удивляться, что перетянутые нервы дали сбой, перенапряженный организм, избежав опасности, позорно расслабился, и она, продолжая рассказывать полячкам про быт «благородных московитянок», утратила контроль за собой, перепутала эпохи?

Она заподозрила неладное, только когда одна из полячек с неподдельным любопытством спросила:

– Проше ясновельможную княжну, а что такое – «витамин Е»?

– И кто такой пан Тампакс? – подхватила другая. – Судя по тому, с каким уважением упоминает его княжна, это важная особа? А ведь имя явно не московитское!

У Ангелы чуть не подкосились ноги. Сердце на несколько мгновений прекратило бой, затем забухало с утроенной силой. Она отчаянно пыталась найти подходящие ответы, но в голове крутилась одна-единственная мысль: «Влипла, идиотка... И себя подставила, и Андрея!»

Неизвестно, чем бы все кончилось, но тут откуда-то сзади и сверху донесся сухой треск, перекрытый пронзительным воплем, и надломившаяся ветка старой липы рухнула вниз. Вместе с забравшимся на нее паном Беджиховским, прямой обзор которому перекрывали натянутые у купален полотнища...

На пару секунд наступила гробовая, зловещая тишина. А потом, не сговариваясь, многие десятки женщин испустили жуткий, душераздирающий визг.

Каким чудом на добрую сотню шагов вверх и вниз по течению не всплыла кверху брюхом оглушенная рыба – ведомо только одному Езусу...

* * *

Генеральный писарь Выговский, напрягая последние силы, чтобы не отбросить лист его ясновельможной милости пана сенатора и не уткнуться лицом в ладони, разразившись истеричным хохотом, голосом, дрожащим от натуги, продолжал:

– «И ты сам, пане, поднимал саблю за Речь Посполитую, рискуя жизнью на поле боя. Отвага твоя и заслуги всем ведомы...»

– Герой, як бога кохам! Настоящий герой! Пусть пан гетман позволит... – И вдребезги пьяный ротмистр Квятковский снова обнимал Богдана. Тот с ласковой снисходительностью строгого, но понимающего отца – дескать, перебрал парубок, сил не рассчитал, с кем того греха не случилось! – похлопывал его по плечу и спине, осторожно прикладывая губами к щекам.

– Слава батьку нашему! Слава гетману!!! – ревели нестройным хором осоловевшие паны полковники. Матвей Гладкий уже не поднимал головы со стола, только временами вздрагивал, причмокивая губами.

Пан генеральный писарь, с видом человека, смирившегося со злой судьбой и оставившего попытки разобраться, куда эта самая судьба его занесла – то ли в придорожный шинок, то ли в лечебницу для душевнобольных, – продолжал чтение:

– «Мне хорошо известно, сколько велики и тяжки обиды, понесенные паном по вине злобного, недалекого человека, коего молодой, неопытный пан Конецпольский имел несчастье сделать правой своей рукой, назначив подстаростой чигиринским. Всею душой сочувствую пану и соболезную, а также всецело разделяю праведный его гнев...»

– К-к-т-то посмел обидет-ть пана гетмана?! Покажите мне этого лайдака! На кусочки порублю, пся крев!!! – вскинулся ротмистр, в самом деле потянув из ножен саблю. Хмельницкий торопливо кивнул джурам. Те подскочили, повисли на руках Квятковского, начали успокаивать: негоже, мол, благородному шляхтичу марать клинок своей кровью такой паскуды! Пьяный посланец воеводы киевского и брацлавского, хлопая ресницами, кивал, глупо улыбаясь: и впрямь негоже... Лучше на палю!

– Твой обидчик, виновник бед твоих – Чаплинский, с него и надо взыскивать! – продолжал генеральный писарь.

– Взыщу, Господь свидетель! Уж так взыщу, когда поймаю!.. – проревел Богдан, бешено вращая глазами, налитыми кровью. Молоточки с силой бухали в виски, ломило в затылке. Боль утраты, которую не смогло приглушить ни время, ни даже огромное количество спиртного, властно овладела всем его существом и требовала выхода.

Даже вдрызг пьяные «сподвижники» его испуганно притихли: так подействовал облик гетмана. Выговский с трудом заставил себя продолжать:

– «Ведаю, что пытался ты найти на него управу в столице и не добился своего, лишь вынес насмешки и унижения...»

– То святая правда! – рыкнул гетман, ударив ладонью по столу. – Стоял перед ними, бесстыжими, про смертную обиду свою говорил, про муки сына моего, канчуками засеченного по приказу змеи этой – Чаплинского... Взывал к справедливости, к правосудию! Не сдержал слез, панове полковники! Никогда не плакал, а тут не сдержался! А они... Они смеялись надо мною! Злорадствовали! Упивались горем моим и унижением!

– Отольются им насмешки эти, батьку! – потряс кулаками Федор Лобода.

– Истинно, отольются! – рявкнул побагровевший Данило Нечай.

– Позор сенаторам, як бога кохам, позор! – всхлипнул пан ротмистр, закрыв лицо руками. – Однако же пан Адам Кисель не был в их числе...

– Пан Кисель – отец наш и благодетель! – кивнул Хмельницкий. – Кабы все сенаторы были такими, благодетельствовала бы Отчизна в мире и процветании! Продолжай, Иване.

Глава 11

– Как пан прикажет это понимать?! – в голосе Иеремии Вишневецкого было не больше тепла, чем в здоровенном куске льда.

Честно говоря, я был очень рад, что этот негодующий вопрос задали не мне. И даже в чем-то сочувствовал незадачливому пану Беджиховскому, распростертому у подножия княжеской ванны в самой нелепой и унижительной позе. Поскольку ничего хорошего ждать ему не приходилось.

«А не фиг подглядывать за чужими бабами!» – мелькнула вдруг злорадная мысль.

– Я... Езус свидетель... Ведьма! Она ведьма!!! – зашелся вдруг в истеричном плаче пан Беджиховский, дергая кадыком. – Дьябловы пятна...

– Что-что?! – брови князя поползли вверх. – Пан совсем сошел с ума или еще не совсем?! Сказать такое про ясновельможную княгиню...

– Ах, да при чем тут княгиня, проше ясновельможного! – чуть не взвыл пан Беджиховский, и впрямь похожий на безумца. – Речь идет о московитянке! О его невесте! – трясущейся рукой он ткнул в мою сторону. – У нее на теле дьябловы пятна!

Вот тут-то мне показалось, что я сижу не в горячей ванне, а в ледяной горной речке.

«Свернуть шею уроду!» – пришла на ум вполне резонная мысль. Но прогнал ее, хоть и с немалым трудом. Настолько невыносимо было думать, что это ничтожество, спрятавшись за кустами, бесстыдно пялилось похотливыми глазками на мою Анжелу...

Князь был ошарашен, но не подал виду. Точнее, почти не подал.

– Пан видел их сам, собственными глазами? – голос Иеремии ничуть не потеплел.

– Нет, проше ясновельможного... Их видела пани Катарина Краливская... Точнее, не она, а покоевка Зося, которая потом бесследно исчезла!

– И слов какой-то покоевки оказалось достаточно, чтобы пан, позабыв про всякий стыд и шляхетскую честь, рискнул подглядывать за благородными дамами?! В том числе за ясновельможной княгиней Гризельдой?!

– Да упаси Матка Бозка!!! – чуть не взвыл ошалевший от ужаса Беджиховский. – На кой мне княгиня?! Что я, голых баб не видал?! Ой...

– Что?! – голос князя, завибрировав, взлетел в недостижимые высоты. – Да как... Пан Дышкевич!

– Весь внимание! – вытянулся в струнку гигант.

– Взять мерзавца! Отобрать саблю, исключить из реестра! В цепи, как последнего хлопа! Я подумаю на досуге, что с ним делать...

* * *

Генеральный писарь Выговский, торопливо смахнув рукавом пот со лба, продолжил чтение:

– «...Подумай, ведь и куда более славным и известным мужам случалось терпеть поношения, несправедные суды, великие обиды и несправедливости... И что же? Разве винули они в бедах своих отчизну, разве призывали на борьбу с ней ее злейших врагов, разве терзали родную землю, заливая ее кровью? Ведь ты христианин, той же святой грецкой веры, что и я...»

Тяжкий вздох прокатился по гетманской горнице. Слова пана сенатора тронули присутствующих. Кто-то попробовал было грозно рыкнуть, кто-то глумливо усмехнулся, но большинство смущенно потупили взгляд.

– Дальше, дальше, Иване! – потребовал Хмельницкий, голос которого как-то странно дрогнул.

– «...А первейший долг христианина – верить, что все в мире происходит только по воле Его. И Он же, страдавший на кресте за весь род людской, каждого наградит и каждому воздаст. Коль случается так, что достойный терпит муки и незаслуженные обиды – значит, в том есть какой-то Божий промысел, недоступный пониманию смертных. Ибо пути Господни неисповедимы. Подумай об этом, пане, обратись мыслями к Нему в смиренных молитвах, и сам тогда увидишь и поймешь, что избрал неверный путь, позволив обиде и гневу затмить свой разум!»

Гетман, помрачнев, подпер кулаком подбородок. Выговский, опасливо покосившись на него, после чуть затянувшейся паузы продолжил:

– «...Да, в отечестве нашем, к великому сожалению, многое скверно. Многое надобно менять и улучшать. Но не таким же способом, который ты избрал, разжигая повсюду нетерпимую вражду, возбуждая дикие инстинкты неразумной черни и проливая кровь христианскую! Подумай и вот о чем: разъярить чернь легко, а успокоить – неизмеримо труднее. Ты рассылаешь повсюду универсалы, призывая ее к неповиновению панам своим, пуще того – к их истреблению, а что будешь с нею делать после? Как приведешь к повиновению?»

– Истинно, истинно так! – выкрикнул вдруг Мартын Небаба. – Хорошо говорит пан воевода! Поспольштво будто обезумело...

– Не перебивай, Мартыне! – сверкнул глазами Хмельницкий. – Дай дослушать! – И кивнул генеральному писарю: не задерживай, мол.

Тот, переведя дух, торопливо зачистил:

– «...Если дикий зверь попробует вкус человечины, он так и будет упорно нападать на людей, пока его не убьют. Точно так же и тебе придется восстанавливать порядок и спокойствие ужасными мерами, пролив новые потоки крови, поистине подобные рекам.

Терпением, воззванием к разуму и смиренными просьбами можно гораздо скорее добиться и справедливости, и прекращения гонений на православную веру, и возврата тех привилегий, коих за бесчинства и мятежи было лишено Войско Запорожское десять лет тому назад. Ибо не все же члены Сейма безрассудны и погрязли в распрях да интригах! Хвала Господу, среди них хватает вполне разумных, достойных панов. С ними и можно, и нужно договариваться.

Потому прошу тебя и заклинаю: отринь гнев свой, хоть тысячу раз и справедливый! Гнев, который, осмелюсь напомнить, есть смертный грех. Остановись, пока не поздно! Вложи меч в ножны и вступи в переговоры с Сеймом. Чтобы славное имя Хмельницких могло и впредь произноситься в Речи Посполитой с уважением и гордостью.

Поступи так хотя бы ради памяти безвременно скончавшегося короля нашего Владислава, который всегда благоволил и тебе, и всему Войску Запорожскому! Уверен: будь он жив, сам обратился бы к тебе с увещанием, прося пощадить Отчизну».

Выговский прекратил чтение, поклонился гетману.

Наступила тишина – нехорошая, зловещая. Даже сваленный убойной дозой горилки пан полковник Гладкий перестал храпеть, будто почуяв, что сейчас не время.

– Все, Иване? – напряженным, дребезжащим голосом, спросил Богдан.

– Все, ясновельможный!

– Ну, что же... – гетман, кое-как выпрямившись во весь немалый рост свой, криво усмехнулся. – Красно написал воевода, ничего не скажешь! И слова-то какие, за душу берущие... Ну, что скажет пан посланец? Согласен с ясновельможным паном Адамом Киселем?

Ротмистр Квятковский, перед глазами которого все плыло, а в ушах неумолимо нарастал звон, героическим усилием сосредоточился, кивнул головой:

– Полностью согласен... Перебори обиду свою, пане... Согласись на переговоры!..

– Обиду? – возвысил голос Хмельницкий, перекрывая вспыхнувший было гвалт полковников, восторженных от этих слов поляка. – Господь мне свидетель, – и гетман торопливо

перекрестился, обернувшись к иконе, – если бы дело было лишь в моей обиде! Перемог бы, пусть сердце кровавыми слезами плакало! Стерпел бы, сцепив зубы! Неужто пан ротмистр думает, что все войско Запорожское, все посольство поднялось, чтобы отплатить за обиду мою? Нет, не я один обижен – весь народ православный, вся земля наша! Многие годы копилась та обида, переполнялась чаша народного терпения, а ныне перехлестнуло через край! Нету терпения более!

– Святые слова! – возопил Прокоп Шумейко.

– Ни убавить, ни прибавить! – хлопнул ладонью по столу Кондрат Бурляй.

– Но ведь кровь... бесчинства... – кое-как пытался возразить, с трудом ворочая языком, пьяный пан Квятковский.

– То правда, – развел руками Хмельницкий, скорбно вздохнув. – Увы, везде быть не могу, да и мыслимо ли сдержать реку народного гнева? О бесчинствах сожалею всей душой, безвинно погибших горько оплакиваю... Бог даст, вскоре успокоится народ, опомнится.

* * *

Когда за «Стивенном», тащившим истошно орущего и упирающегося пана Беджиховского, задернулся полог палатки, я скорбно вздохнул:

– Похоже, что мои недоброжелатели решили больше не ждать... Вот они – те гнусные и бредовые измышления, о которых я предупреждал ясновельможного! И это лишь начало, в следующий раз они еще что-то придумают.

Иеремия презрительно хмыкнул:

– Они будут тратить время впустую! Надеюсь, пан первый советник не считает, что меня можно обвести вокруг пальца?

– Конечно же нет! Но повторяю, для меня очень важно полное доверие ясновельможного князя. Дел предстоит много, а тратить время и силы на опровержение всяких поклепов... – Я развел руками, всем видом говоря: тут и без слов все понятно.

– Думаю, пан уже не раз имел возможность убедиться, что я полностью доверяю ему! – внушительно, даже с некоторой обидой в голосе сказал Вишневецкий.

Я тут же поклонился, прижав ладонь к сердцу: тронут, мол, и благодарен...

– Тем не менее ради предотвращения вздорных слухов и сплетен я осмеливаюсь попросить ясновельможного о некоторых вещах...

– О чем именно?

– Во-первых, приказать княжескому управителю, чтобы тот пресек болтовню своей супруги по поводу этих самых... э-э-э... дьявольских пятен, померещившихся то ли пани Катарине, то ли ее служанке.

– Охотно. Более того, я сам ей это прикажу! Пани Катарина усердна и абсолютно честна, но вот насчет ума... – князь многозначительно хмыкнул. – Конечно, нельзя быть уверенным, что она уже не разнесла эту сплетню среди дам, но больше болтать не будет, уверяю... Что еще, пане?

– Во-вторых, сразу же, как только мы окажемся в безопасном месте, обвенчать нас с княжною. – Я лукаво подмигнул, произнося титул. – Прошу прощения, я не знаком с особенностями свадебных обрядов в Речи Посполитой! – В частности, не знаю, существовали ли в семнадцатом веке посаженные отцы... Не то непременно и покорнейше попросил бы ясновельможного оказать нам такую великую честь.

Глава 12

Казак, соскочив с коня, рванулся к атаману. Глаза его лихорадочно блестели, пересохшие от жары и пыли губы растянулись в широкой улыбке:

– Ярема стал лагерем! На берегу Тетерева!

Шумно выдохнул Кривонос, стараясь унять бешено колотящееся сердце. Подался навстречу, прожигая казака бешеным взглядом.

– Сам видел?! Или с чьих слов говоришь?

– Сам, батьку! Над шатром – княжеский штандарт! Ни рвов, ни вала... Опасности не чувствуют! По всему видать – стали надолго.

– Господи, благодарю! – всхлипнул атаман, закрестившись. – Наконец-то! Услышал ты молитвы мои! – Внезапно ослабевшие ноги чуть не подкосились, но Лысенко-Вовчур успел подхватить, усадил, повелительно кивнул джуре: быстрее, шевелись! Михайло с негромким вздохом достал из сумы пляшку с горилкой, ворча под нос обычное: «Ох, сопьется батьку!» Лысенко нетерпеливо выхватил у него наполненную чарку, протянул Кривоносу:

– Ну-ка, пей! Полегчает...

Атаман проглотил обжигающую жидкость в один миг, рыкнул, переводя дыхание. Кровавая муть, заволокшая взор, рассеялась, мускулы снова налились силой. Кривонос вскочил на ноги:

– Добре! Ну, с божьей помощью в полночь и двинемся! Перед рассветом возьмем его, сатану, когда сон самый сладкий да крепкий... А ты, Вовчуре, скулил: «Коней напрасно заморим, а не догоним...» Однако же догнали! Ох, потешимся, отведем душу!

* * *

Я и не подозревал, что Тадеуш способен на такую ярость. Даже тонкие усики новоиспеченного полковника, казалось, возбужденно вздыбились. Кровь прихлынула к лицу, голос стал хриплым и прерывистым.

– Все имущество мое, сабля, сама жизнь – в распоряжении пана Анджея! И я готов повиноваться ему где угодно и когда угодно, слепо и без рассуждений. Но не сейчас, проше пана! Задета моя честь! То – дело шляхетского гонору, а над этим не властен не только первый советник ясновельможного, но даже Сейм! Мерзавец Беджиховский оскорбил мою невесту, бесстыдно подглядывая за ее наготой, и должен за это ответить! Я немедленно пошлю ему вызов!

«О-ох, польский гонор, хвостом его... по всем местам! – мысленно застонал я. – Ну вот что с ним делать?!»

Целая вереница вариантов, включая новый вывих лучезапястного сустава, пронеслась в моей голове и была отвергнута. Наверное, лучше все-таки так...

– Разве пан забыл, что задета не только его честь, но и моя?! – с хорошо поставленным негодованием произнес я. – Беджиховский подглядывал также и за моей невестой! Кстати, если уж на то пошло, оскорблен и наш сюзерен! Ведь там присутствовала княгиня Гризельда... э-э... точно в таком же одеянии...

Тадеуш, закашлявшись, еще больше покраснел.

– Стало быть, по естественному праву старшинства первым должен требовать удовлетворения ясновельможный князь Иеремия, затем – я. И только потом пан Тадеуш! У пана есть возражения?

Пшекшивильский-Подопригорский зарычал, стиснув ладонями виски:

– Ах, какие же тут могут быть возражения! Пан Анджей прав, как всегда! Его слова – будто сабельное лезвие, такая в них холодная, неумолимая логика... Но как тяжело, как

невыносимо думать, что оскорбитель умрет не от моей руки! – Он яростно замотал головой. – Однако... Не хочет же пан сказать, что пресветлый князь сам вступит в поединок с этим негодяем?!

Я усмехнулся.

– Конечно же нет... Можно отомстить и по-иному. Могу заверить: Беджиховский горько пожалеет о своем безрассудстве!

– Неужели его будут пытаться?! – ахнул Тадеуш, изменившись в лице. – Но проще пана... Ведь он все-таки шляхтич, хоть и подлец!

– Мы – точно не будем! – тихо, но внушительно сказал я. – А за других поручиться не могу...

* * *

Совсем молодая женщина, осторожно коснувшись набухшего живота сестры, умильно улыбнулась, хоть лицо ее было напряжено, а в глазах стояли слезы:

– Ох, толкается! Завидую тебе, Марьюшка... Тотчас же после свадьбы понесла! Коль сына родишь – государь осыплет милостями великими! А мне, видать, надеяться уж не на что... Мало того, что муж немолод, так еще в ссылке услали...

Мария Ильинична досадливо поморщилась. И жаль было младшую сестру, и вместе с тем тайная злость брала: ну к чему снова заводить разговор об одном и том же? Ясно же было сказано: государь сильно прогневался, пока хлопотать бессмысленно, только хуже будет.

– Не в ссылку, глупенькая! – царица постаралась, чтобы голос прозвучал ласково, породственному. – Алешенька спас его от лютой черни! Неужто сама не понимаешь?

– Да где уж мне понять! – по-простонародному всхлипнула Анна Ильинична. – Во всей Москве надежного места не сыскалось, чтобы царского советчика да шурина укрыть от подлого люда! Вот награда-то вышла, за труды его, за хлопоты... Вот она – благодарность царская!

Мария Ильинична гневно сдвинула брови, кровь бросилась в лицо. Хоть и родная сестра, а понимать надо, кому и что говоришь!

– Придержи язык! – повысив голос, топнула ножкой и тут же охнула, схватилась за живот: ребенок от испуга забился, заметался с удвоенной силой. Анна мгновенно осеклась, заломила руки:

– Ох, горе мне, окаянной! Прости, сестрица. По глупости, истинно по глупости сказала... Дитячко потревожила... Прости!

Мария Ильинична, выдохнув, кивнула:

– Бог простит... Только все ж следи за словами! А коль услышал бы кто?! Тотчас бы донесли, и что тогда?

– А что было бы? – с неожиданной дерзостью выпалила вдруг младшая. – Неужто царскую свояченицу и на дыбу?

– Тьфу, типун тебе на язык! – не на шутку рассердилась Мария Ильинична. – Мало тебя батюшка вицами порол, мало!

– Да уж не меньше, чем тебя! – обиженно огрызнулась младшая.

И сестры вдруг дружно, не сговариваясь, прыснули в ладоши.

– А ведь узнай он, что будущую царицу по заду прутиками охаживает, перепугался бы вусмерть! – хихикнула Анна Ильинична. – Небось до ночи молился бы, лоб отбивая перед иконостасом...

– Пожалуй, так... – улыбнулась старшая. И, решив довести дело до конца, покуда напряжение спало, без перерыва продолжила, коснувшись сестриной руки: – Аннушка, наберись терпения! Что обещала – помню, не забуду. Но не время сейчас, не время, пойми! Алешенька разгневался по-настоящему. Что уж говорить – сильно подвел его Борис Иванович!

– Так един лишь Бог без греха! – взмолилась Анна. – Коль виноват – отслужит, искупит! Сестрица, заступись! Царь же в твоих руках – будто воск мягкий... Он же мальчик еще совсем, прости меня, грешную...

– Напрасно ты так думаешь! – покачала головой Мария Ильинична.

– А неужто я не права? – вдруг озорно усмехнулась младшая сестра. – Ему ж еще двадцати нету, а ты пятью годами старше! Вот как на духу, – понизила голос Анна, – кто из вас больше испугался в свадебную ночь-то? Уж не он ли?

Царица снова вспыхнула, но уже не только от гнева, но и от смущения. И неизвестно, чего было больше...

– Ну, вот видишь! – с чуть различимым ехидством проворковала Анна. – Ты, сестрица, его девства лишила! Дитя его носишь... Значит, власть над ним имеешь, да еще какую! Так отплати добром за добро! Ведь если бы не Борис Иванович, не бывать тебе царицей, женился бы твой Алешенька на Евфимии... Ой... – Она вдруг осеклась на полуслове, инстинктивно прикрыв ладонью рот.

Мария Ильинична встрепенулась, подалась к сестре:

– Ну-ка, договаривай! При чем тут Морозов? С Евфимкой падучая приключилась, потому царь ее в жены и не взял... Какая ж государыня из хворой! Или ты знаешь что-то?!

– Сестрица, не слушай... Сама не знаю, что сболтнула сдуру... Дозволь уйти, не надо тебе утомляться в твоём-то положении! – захлопотала младшая, торопливо поднимаясь.

– Нет уж, погоди! – тут же ухватила ее за рукав старшая. – Кому сказано, договаривай! Да чтобы ни словечка от себя не измыслила!

Анна растерянно хлопала глазами, губы ее дрожали...

– Сестрица, не прогневайся... Грех, конечно... Так тебе ж на пользу вышло да и мне! Неужто было бы лучше, стань царицею Евфимия Всеволожская?!

– Не ходи вокруг да около! – прикрикнула Мария Ильинична. – Говори, как есть! Что сделал Борис Иванович?!

– Государю Евфимка понравилась, ни на какую другую и глядеть не хотел... – торопливо забормотала младшая сестра. – Да что тут говорить, сама, чай, знаешь... Ну, точно околдовала его эта змеища! Тогда Борис Иванович перемолвился с одной сенной девкой, что при матушке-царице состояла, посулил разные выгоды да вечную благодарность свою, и золотишка отсыпал, а как же! Кто ж за просто так рискованное дело сделает! Вот девка-то, когда Евфимку к обряду готовила, ей так волосы стянула, что хоть криком кричи... А пожаловаться побоялась: совсем молодая да глупая... Или, может, думала, что так и надо, потому и терпела до последнего.

– Пресвятая Богородица! – ахнула Мария Ильинична, закрестившись.

– Обряд-то долгий, а волосы натянуты – и не моргнешь, больно! Ну, Евфимка не выдержала, в обморок упала... Тотчас же шум поднялся: невеста царская, мол, падучей страдает! Воровство против великого государя, злоумышление: хворую пытались подsunуть! Невестин отец-то клялся и божился, что никакой падучей у нее сроду не было, да разве ж мыслимо одному многих перекричать?

– А с теми многими тоже Борис Иванович загодя разговаривал? – каким-то мертвым голосом спросила Мария Ильинична. – Золотом осыпал, ласку свою сулил?

– Ясное дело, разговаривал! Правда, всего с двумя, которые погорластее. Мол, есть у меня подозрение, что больна царская невеста, так вы уж, ежели что... Сама знаешь: главное – начать, а остальные уж подхватят!

Выждав малую паузу, Анна договорила:

– Так что, сестрица, если бы не Борис Иванович, не выйти бы тебе за государя! Теперь знаешь все. Ты в долгу у него, а долги возвращать надобно.

– А бедную Евфимку со всем семейством ее – в ссылку, в Сибирь... – прошептала царица, словно не слыша, что говорила младшая.

– Так ведь вернули немного погода! – отмахнулась Анна. – Ничего худого с ними не случилось.

– Да, конечно... Ничего худого! Только ошельмовали, опозорили на все государство! – голос Марии Ильиничны зазвенел, налившись силой. – Ступай, сестра! И более о муже своем не напоминай. Противен он мне! Слово сдержу, но слышать о нем не желаю!

Глава 13

Кривонос, тяжело дыша и стиснув зубы, смотрел из укрытия на княжеский шатер, буквально пожирая его глазами. Так обезумевший от голода хищник следил бы за ничего не подозревающей дичью.

Сонный беззащитный лагерь лежал перед ним как на ладони. Во многих местах тлели догорающие костры, изредка доносилось конское ржанье. И ни рва, ни частокола, ни кольца из возов... Ничего! Ляхи не ждали нападения. Решили, что уже в безопасности... Расслабился сатана, ирод Ярема, утратил осторожность... Вот тебе и полководец, на всю Европу прославленный!

– Гляди, батьку! – прошептал казак. – Его, сатаны, штандарт!

– Вижу... – хрипло отозвался атаман, с немалым усилием выдавив это короткое слово: так пересохло в горле от страшного волнения. – Ну, с нами Бог и казачья слава!

Бесшумно отполз, поднялся, прильнул к шее гнедого, всхлипнув:

– Черте... Друже! Дождались, ей-ей, дождалось! Не подведи!

Жеребец негромко всхрапнул, дернул головой, словно кивая... Кривонос, едва коснувшись носком стремени, впрыгнул в успевшее остыть седло, рывком вынес саблю из ножен:

– За мной, хлопцы! Всех крошить, кроме Яремы! Его – живым брать! Вперед!!!

С хрустом сминая кусты и молоденький подлесок, понеслась из лесу казачья лава. Тысячеголосый, дикий, пронзительный вопль, от которого у самого отчаянного смельчака застывала бы кровь в жилах, прокатился над предрассветной равниной, над темной водой Тетерева, подернутой серым клубящимся туманом, над другим его берегом, постепенно теряя силу свою и утихая...

В лагере раздались всполошенные крики, заметались фигуры, освещенные пламенем костров... Ликующе взревел Кривонос, вздымая саблю над головой:

– Не уйдете, пся крев! Попались!!!

Остатки холодного разума, не приглушенные лютой злобой, пытались послать сигнал: что-то мало мечущихся ляхов, мало! Но атаман, сжигаемый жаждой мести, не обратил на то внимания. Вид врагов, в панике устремившихся к речному берегу, лишь подстегнул его... Лишь когда предрассветную мглу прорезала яркая вспышка пламени, почти мгновенно превратившаяся в бушующую огненную стену, до затуманенного рассудка Кривоноса дошло: проклятый Ярема вновь обвел его вокруг пальца.

Лагерь был покинут. Лишь кое-где, на стороне, обращенной к лесу, остались настоящие палатки; дальше же, вплоть до речного берега, их изображали куски домотканой материи, закрепленные на кольях. Точно таким же муляжом оказался и шатер князя, с грубым подобием штандарта на вкопанном в землю шесте.

А те ляхи, которые оставались в лагере, сбивая с толку дозорных, дождалась начала атаки и спокойно ушли через брод, наверняка разведанный загодя. Умело изобразив панику и отгородившись от погони огненной завесой. Судя по тому, с какой легкостью и силой вспыхнуло пламя, люди Яремы натаскали не только бревна и хворост, но и сухую солому с камышом... Может, еще и полили чем-то горючим! Преследовать их в темноте, не зная броду, было невозможно.

Дикий, нечеловеческий рев Кривоноса перекрыл даже треск и гул бушевавшего пламени. Черт испуганно дернулся, припадая на задние ноги.

Лысенко-Вовчур на всякий случай подался в сторону... Атаман, отшвырнув саблю и потрясая стиснутыми кулаками, уставившись обезумевшим взглядом в небо, изрыгал дикую богохульную ругань, и по его лицу текли слезы. Самые матерые казаки, которых, казалось,

пронять уже ничего не может, торопливо крестились, дрожа и ожидая, что сейчас сверкнет молния и испепелит нечестивца.

Каким чудом острый слух Вовчура уловил умоляющий крик: «На бога! Литосци!»¹⁰, донесшийся из-под куска материи, изображавшей Яремин штандарт, известно одному лишь Богу, которого как раз в этот момент крыл последними словами Кривонос. Соскочив с седла, атаманов помощник кинулся вперед, рывком сорвал полотнище, прикрывавшее вход в «шатер»... Обезумевший от ужаса человек, скорчившийся на земле, хотел было инстинктивно отпрянуть, но не смог – помешала короткая цепь, которой он был прикован к шесту.

– Литосци! Як бога кохам, – пролепетал он трясущимися губами.

– Ты кто такой?! – рыкнул Вовчур, грозно насупив брови.

– П-пан Юр-рек Б-беджихов-вский... – кое-как выдавил поляк.

– Почему прикован?! Кто так велел?

– К-князь В-Вишневецкий... По н-наущению п-проклятого м-московита, тысяча д-дьяблов ему в печенку!!!

И пан Беджиховский вдруг разрыдался – истерично, визгливо, содрогаясь всем телом.

* * *

Ротмистр Станислав Квятковский с пронзительным, страдальческим стоном попробовал приоткрыть глаза. Голова трещала так, будто ее стискивали, закручивая обмотанную веревку с помощью вставленного штыря. Неукротимая тошнота волнами подкатывала к горлу. А во рту, судя по ощущениям, похоже, ночевал, попутно справив все полагающиеся дела, любимый жеребец пана ротмистра, на котором он и прибыл к мятежному самозваному гетману...

«Матка Бозка, помилосердствуй... – мысленно взмолился поляк. – Ну на какого дьябла надо было столько пить...»

Какие-то остатки разума, не спасовавшие перед чудовищной дозой принятой горилки, напомнили ротмистру, как он вчера обнимал Прокопа Шумейко, напевая какую-то хлопскую песенку. А потом – как клялся в любви и уважении к «пану гетману», грозя собственноручно изрубить в лапшу его обидчиков. И даже пытался выхватить саблю... Квятковский снова крепко зажмурил отекавшие веки, приоткрывшиеся было: такой жгучий стыд опалил его лицо.

«Позор, як бога кохам... А если про то проведает ясновельможный пан сенатор... Срам на всю Речь Посполитую! О-о-о, голова-а-аа...»

– Ну, вот пан и пробудился! – послышался сбоку веселый голос. – И то сказать, за полдень перевалило! Ну-ка, с божьей помощью – чарочку горилки! Это с похмелья первое дело. Враз полегчает.

И ротмистр Квятковский, снова с великим трудом приоткрывший глаза, обнаружил у самого носа наполненную до краев чарку, поднесенную чьей-то заботливой рукой.

Мучительный стон истязуемого в аду грешника вырвался из его груди.

¹⁰ Милосердия, пощады! (польск.)

Часть II

Глава 14

Ничто не вечно в нашем грешном мире. Всему рано или поздно приходит конец. Вот и беспорядки, сотрясавшие всю Москву, коим суждено было через пару столетий войти в историю под названием Соляной бунт, понемногу утихли, унялись. Потому как нельзя же с утра до ночи только глотки драть да заниматься всяческими непотребствами! Человек – не лошадь двужилная, в конце концов утомится и скандалить, и крушить, и грабить, и даже насилловать. Хоть и весьма сладостен последний грех, а надо же и меру знать, совесть иметь! Чай, не басурмане гололобые, в Христа все-таки веруют.

Огромный город, подобно пьянчуге, который еле пробудился после тяжелого запоя и с тупым ужасом взирал на учиненный в беспамятстве разгром, понемногу начал приходить в себя. А осмелевшие власти взялись за наведение порядка. Ну, заодно и за расправу. Правда, с опаской, втихаря, чтобы снова не взбаламутить только-только угасший котел... Хватали пока немногих, без лишнего шума. Но душу из них вынимали со всем усердием, не ведая ни жалости, ни устали.

Дьяк Петр Афанасьевич Астафьев, почерневший и осунувшийся, не вылезал из застенков Разбойного приказа. Кнутобойный мастер Мартынка Сулов, валяющийся с ног от усталости, в конце концов решительно заявил, что не управляется, даже с тремя подручными. И потребовал себе еще нескольких катов в подчинение: дескать, государев кат – тоже человек, и негоже его гонять и в хвост, и в гриву, без роздыху, аки скотину бессловесную, прости господи! На это возразить было нечего, и дьяк дал добро. Для порядку пригрозив: «За них головой отвечаешь! Следи, чтоб усердны были да лишнего не болтали».

А болтать и впрямь не стоило. Ведь жуткая картина раскрываемого заговора могла бы вогнать в испарину даже храбреца. Все новые и новые вору, вздергиваемые на дыбу, с зубовым скрежетом и рыдающим хрипом рассказывали про злодея Андрюшку да про его богомерзкие речи. Выходило, что прислуживал он не только Речи Посполитой, но и шведскому королю, да в придачу – турецкому султану. Упоминался и крымский хан Ислам-Гирей, но гораздо реже.

Дьяк в полном иступлении топал ногами, кричал: «Врете, окаянные! Не может того быть!» Мартынка и прочие каты попеременно орудовали кнутами, горящими вениками, заостренными клиньями, вгоняя их вора под ногти... Кто-то брал свои слова обратно, а иные стояли насмерть: и свеям служил Андрюшка, и османам, и крымчакам.

Астафьев, хватаясь за раскалывающуюся голову, пытался найти ответ: то ли вправду можно одновременно стольким хозяевам служить, то ли на воров от страха да лютых мук умопомрачение нашло. А главное, что царю-то докладывать?!

Тем паче что государь в последние дни был хмур да раздражителен. Судя по слухам, доходящим до Астафьева (а сколько в них было достоверного, одному Создателю ведомо), – из-за матушки-царицы. То ли Марии Ильиничне – свят-свят! – стало худо, то ли позволила себе лишнее, опечалив помазанника Божьего... Известно же – баба на сносях порой невыносимой становится, будь она царицей, будь простой полумойкой. То в крик ударяется, то в слезы, и не поймешь, по какой причине. Попытаешься по-доброму утешить – только хуже сделаешь. А поучить уму-разуму – ни-ни, младенчику повредить можно... Так что изволь терпеть, пока не опрастается. Будь ты царь, будь мужик крепостной. Тьфу!..

Ходили также сплетни (передаваемые, ясное дело, с особой бережливостью), будто Мария Ильинична, презрев государев запрет, вновь взялась ходатайствовать за боярина Морозова. Сними, дескать, великий государь, с него опалу, он и так уж наказан достаточно – и неми-

лостью твоей, и страхом перед лютующим подлым людом. Царь, ясное дело, осерчал, царица расстроилась... А, расстроившись, учинила венценосному супругу громкий скандал со слезами да жалобами. Отчего царь-батюшка, не привыкший к такому обращению, чуть в «изумление» не впал...

«Сопляк он еще, а не батюшка! – со снисходительной беззлобностью человека средних лет подумал Астафьев. Но тут же усердно закрестился, снова шепча: – Свят-свят...» Настолько явственно представил себя на дыбе – за «поносные слова» на священную государеву особу...

Хорошего настроения эти мысли, ясное дело, не прибавляли. Если бы про Андрюшку, подлеца, удалось хоть что-то проведать! Дьяк истово молил о том создателя, даже не подозревая, что мольбы его в ближайшее время будут услышаны и результат отнюдь не порадует...

Люди, набранные им по цареву повелению, трудились усердно, с полным осознанием важности миссии своей. Ну, еще и потому, конечно, что жалованье было положено хорошее. Кто же, будучи в здравом уме, откажется от такой службы! Все были дворянами-новиками¹¹. Астафьев специально отобрал, чтобы из самых худородных: тем усерднее будут службу справлять, стараясь наверх выбиться.

– Отчитываться будете передо мною одним! – наставительно сказал он, прохаживаясь перед застывшим строем, будто воевода перед робкими новобранцами. – Более ни перед кем. Кроме великого государя, конечно! – торопливо поправился. – Но государь до вас едва ли снизойдет, так что я вам и начальник, и отец родной! Смотрите у меня, вольности лишней не берите, страх Божий не забывайте! А то... Я тих, добр, но могу и по-настоящему прогнаться! (Хороша, хороша была та фраза царская, чего уж там... Крепко в память врезалась.)

Новики торопливо замотали головами, всем видом показывая: да сохрани Боже, да ни за что...

– Верю, верю! – снисходительно кивнул Астафьев. – А предупредить все-таки не лишне. Увы, слаб человек, искусу подвержен... Вон государь наш боярину Морозову верил, и чем тот ему отплатил? Прости, Господи! – вздохнув, перекрестился.

«Доверяй, но проверяй!» – это правило Астафьев блюл неустанно. Но пока к новикам не за что было придрататься: службу несли усердно и про страх Божий не забывали. Несколько человек, посланные в приграничье, объезжали рубежную полосу, нагоняя должный страх на стражу (чтобы следила за всеми подходами к рубежу в оба глаза, денно и нощно, а от взятков шарахалась, словно праведник от беса-искусителя). А заодно посещали трактиры да постоянные дворы, заводя словно невзначай разговор: не объявлялся ли человек из Москвы с какими-то приметами? Другие, возглавив стрелецкие команды, переворачивали верх дном окрестности Москвы: может, злодей Андрюшка оказался хитрее, чем думали, и не ударился в бега, а затаился под самым боком, в надежде, что здесь-то искать не будут! Трясли и помещиков, и старост, грозя великим гневом государевым и встречей с Мартышкой Сусловым за утайку сведений. Третьи, кои показались дьяку самыми толковыми, были пристроены к самой ответственной же работе: собирать по крохам информацию, доходящую из-за рубежа. Слушать, о чем иноземные гости¹² с русскими купцами бают, письма перехваченные вскрывать... Ну а новик Степка Олсуфьев, сразу приглянувшийся Астафьеву тем, что смотрел на него хоть и с почтением, однако без малейшей робости или заискивания (трусов и подхалимов дьяк втайне недолюбливал) был пристроен на самое ответственное место – в Посольский приказ. С единственным и крайне ответственным поручением: читать все, что приходит из Европы. А особенно – из Речи Посполитой. Начиная от газет, заканчивая анонимными доносами.

Думный дьяк Григорий Львов попытался было упереться: что, дескать, за дела, сопливному новику здесь делать нечего! Не по чину такая честь! Но Астафьев мигом поставил его

¹¹ Дворянин, впервые поступивший на службу.

¹² Купцы.

на место, произнеся волшебные слова: «Волею великого государя!» И добавил, что сие делается, дабы разыскать и покарать виновника лютой смерти другого думного дьяка, Назария Чистого, растерзанного беснующейся толпой. После чего Львов, долгие годы водивший дружбу с Чистым, сверкнул глазами и поклялся, что ежели кто из приказа посмеет не то что обидеть новика, а хоть слово непочтительное молвить – своей рукой за волосы оттаскает невежу. Пусть трудится во славу государя и Отечества, ничего не страшась.

Вот с того дня и засел Степка в Посольском приказе. Читал все, что ему каждое утро на стол вываливали. С величайшим тщанием, до боли в глазах, всматривался в каждую строчку – не мелькнет ли где заветное имя. Уж так ему хотелось отыскать вора и злодея, первым на след напасть! На сон грядущий молился усердно, прося и Богородицу, и Сына Ее ниспослать удачу. Но дни шли, а злодей Андрюшка нигде не поминался... Дьяк все нетерпеливее спрашивал при встречах: «Ну что, опять ничего не нашел?!» Да таким резким и сердитым голосом, словно ленивый Степка в этом виноват... Иной обиделся бы, а новик по доброте душевной и не думал. Чай, бедному Петру Афанасьичу тоже несладко приходится, когда царь-батюшка его недовольно вопрошает: «Ну что, не нашел еще?!» С прежним усердием продолжал читать да молиться...

И вот однажды молитвы его были услышаны.

* * *

За тысячу с лишним верст от Москвы бывший подстароста Данило Чаплинский, убедившись, что его «крулевна» не собирается менять гнев на милость, пустился во все тяжкие. Оскорбленное самолюбие, подстегнутое к тому же жгучим стыдом и паническим страхом, вскипело, образовав смесь, хуже которой и не представишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.